

ЛАН
А
МОРРИ
ГАН

Отпуск
**В ЛАПАХ
ЗВЕРЯ**

18+

Лана Морриган

Отпуск в лапах зверя

<https://litres.ru/74358438>

SelfPub; 2026

Аннотация

Два года я существовала в аду, называемом браком. Отдала мужу все: деньги, здоровье, время. Отказалась от мечты о ребенке — как растить малыша, когда его отец прикован к инвалидному креслу? Но всё оказалось ложью. Муж мог ходить. Особенно налево.

В попытке собрать себя по кусочкам, я решила присмотреть за домом бабушки. И в глухой деревне столкнулась с женщиной, что настойчиво искал встречи, испепеляя пугающим взглядом.

Что ему нужно?

Ответ оказался простым, когда я нашла документы — бабуля связался с мошенниками.

Содержание

Аннотация	4
Глава 1. Даша	5
Глава 2. Даша	11
Глава 3. Даша	21
Глава 4. Даша	32
Глава 5. Даша	39
Глава 6. Даша	47
Глава 7. Даша	57
Глава 8. Даша	66
Глава 9. Даша	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Лана Морриган

Отпуск в лапах зверя

Аннотация

Два года я существовала в аду, называемом браком. Отдала мужу все: деньги, здоровье, время. Отказалась от мечты о ребенке — как растить малыша, когда его отец прикован к инвалидному креслу? Но все оказалось ложью. Муж мог ходить. Особенно налево.

В попытке собрать себя по кусочкам, я решила присмотреть за домом дедушки. И в глухой деревне столкнулась с мужчиной, что настойчиво искал встречи, испепеляя пугающим взглядом.

Что ему нужно?

Ответ оказался простым, когда я нашла документы — дедуля связался с мошенниками.

Глава 1. Даша

— Ну сколько можно?! — взрываюсь, когда экран телефона вновь загорается, и я читаю на дисплее: “Любимый”. Наверное, какая-то часть меня боится осуждения со стороны и стесняется переименовать мужа и записать его просто по имени.

Кажется, что последние два года я существую в аду. Где каждый день похож на наказание, а ночь напоминает, что я останусь одна при живом муже.

Когда меня посещают такие мысли, я ощущаю себя последней тварью. Ведь Леша прикован к инвалидной коляске, а я после трагедии превратилась в безликую тень себя. Блеклую и уставшую до чертиков. Я не помню, когда последний раз могла себе позволить посмотреть фильм за один вечер, поваляться в теплой ароматной ванне, почитать книгу — да просто ничего не делать хотя бы десять минут, не чувствуя вины и прожженного впустую времени. Я была как белка в колесе. Подъем в пять, готовка, уборка, помощь Леше. Ему трудно справиться одному с бытовыми проблемами. Пять минут на сборы — и я несусь на работу. Если будет возможность, то в течение дня накидаю товаров в корзину и вечером мне не придется идти в магазин. Вновь готовка, уборка, помощь. А вот тут есть промежуточек, чтобы поплакать пять минут под душем. Но только пять, иначе я не успею сделать

отчеты по второй работе, на которую устроилась неофициально. После я просто падаю в постель и проваливаюсь в сон. А с утра все начинается сначала.

Я не отвечаю на звонок. Леша прекрасно знает, что я не разговариваю по телефону, когда за рулем. Но звонок повторяется. Настойчивый и продолжительный. В груди разрастается раздражение, я съезжаю на обочину. Несколько секунд смотрю прямо перед собой, крепко вцепившись в руль, выдыхаю и снимаю телефон с панели.

— Да, Леш, — отвечаю, все же не сдержав в голосе недовольство. Тут же чувствую накатившую вину и спрашиваю мягким тоном: — У тебя что-то случилось?

— Куда ты положила зарядку от телефона? — летит мне с вызовом. — У меня осталось семь процентов.

— Она на месте, как и обычно, — отвечаю я, глядя в зеркало заднего вида и наблюдая, как по трассе приближаются автомобили и проносятся мимо. Если проезжает фура, машину чуть накрывает потоком воздуха, и на секунду посещает малодушная мысль. А что, если меня не заметят...

— Если бы она была на обычном месте, я бы тебе не звонил!

— Леш, зарядка на столе. Кажется, я сверху положила ежедневник, когда собиралась...

— А зачем ты это сделала? — выкрикивает он. — Тебе нравится, чтобы я унижался? Я и так привязан к тебе навсегда. Что ты еще хочешь?

Я закрываю глаза, слушаю, как в ушах стучит кровь, и считаю про себя до десяти. Этот способ давно не помогает справиться с раздражением или злостью. Я надеюсь, Леша сбросит вызов. Он этого не делает, продолжает отчитывать, как ребенка.

Я выдыхаю сквозь зубы и спрашиваю подрагивающим голосом:

— Ты нашел зарядку?

— Нашел. И не надо делать вид, что ты плачешь. Это меня надо жалеть. Я лишился нормальной жизни. А ты живешь ее полноценно, — вызверился он и наконец прервал звонок, оставляя меня давиться собственными слезами отчаяния и усталости.

Я продолжаю сидеть, глядя прямо перед собой, слушая какую-то веселую мелодию по радио. Вытираю мокрые дорожки со щек, тянусь на заднее сиденье за бутылкой воды, делаю несколько глотков, смывая горечь разговора, и решаю продолжить путь.

С трассы я сворачиваю на узкую грунтовую дорогу. Машина глухо скрипит, колеса вязнут в пыли, и все вокруг замедляется.

Я опускаю стекла, в салон врывается запах полевых трав, сухого сена. Так пахнет детство — как в те летние дни, когда дед учил меня ловить кузнечиков и не бояться жуков-усачей.

Ветер треплет волосы, солнце касается плеча сквозь открытое окно. На мгновение я забываю обо всем. Просто еду

и дышу.

Музыка тихо играет из динамиков, старый плейлист, который я не включала уже вечность. Голос певицы звучит так чисто, что в груди все сжимается. Проезжаю мимо поселения. Последний раз я была здесь до аварии, два года назад, и за два года оно стало еще больше и современнее. Множество сельскохозяйственной техники, красивые дома, широкие улицы. И сюда добралась цивилизация.

Мне становится немного грустно. Словно кусочек прошлого стерли или переписали без меня.

Через пару километров я вижу знакомый поворот. Табличка с выцветшими буквами “Лозовицы” держится на честном слове. Дорога становится уже ухабистее. По обочинам густеет лес, пахнет сосной, нагретыми травами. Наконец я замечаю крышу дедушкиного дома. Деревянный, серый, с покосившимся забором, но какой же родной.

Я останавливаюсь у калитки, глушу двигатель и несколько секунд просто сижу, слушая тишину. Такую настоящую, что слышно, как где-то трещит кузнечик.

Накатывает странное чувство. Смесь облегчения и неизменной вины. Леша хорошенько вбил мне в голову: я не могу быть счастлива. Не имею на это права.

Я выхожу из машины, вдыхаю запах земли и прогретого дерева. Осматриваюсь. Сейчас мне меньше всего хочется куда-то спешить. Если в соседнем поселении изменилось многое, то дедушкин дом остался неизменным. Вот скамья у сту-

пеней. Вот бочка для дождевой воды. А за домой аккуратно сложены дрова. У покосившегося забора цветет аптечная ромашка.

Я обхожу дом по тропинке, утопающей в траве по колено. Ветер мягко колышет стебли, которые щекочат и чуть-чуть царапают ноги.

Пальцы скользят по облупившейся стене сарая, по знакомым зарубкам на калитке. Все на своих местах. Все, как было. Я иду к старой вишне, к месту, где дед обычно чинил сети. И вдруг — движение. Сбоку, где начинается подлесок, мелькает тень и исчезает в лесу. Большая, быстрая.

Замираю. Сердце бьется в горле.

Глаза вглядываются в зелень.

Ничего.

Пытаюсь убедить себя, что это плод воображения. Нервы. Или, в конце концов, обычная собака.

— Спокойно, Даш, — шепчу, — ты просто устала.

Все равно не отпускает. Я чувствую чужой взгляд на себе.

Передергиваю плечами, машинально хватаюсь за карман легких спортивных штанов, достаю телефон и, не глядя, набираю маму. Пальцы подрагивают.

Она отвечает не сразу. На фоне шум города.

— Алло, Дашенька? Ты уже приехала?

— Приехала, — отвечаю и оборачиваюсь вокруг своей оси. — Мам, что нужно привезти деду, кроме выписок?

— Да вроде больше ничего. У него все есть, если что-то

понадобится, куплю. А, очки! Он не может без них читать.

— Хорошо. Выписки и очки, — повторяю, медленно возвращаясь к дому. — Мам, а тут волки водятся? Или какие-то другие крупные звери?

— Медведи, — хмыкает мама.

— Нет, я серьезно. Я сейчас видела огромную тень в кустах.

— Господи, доча, там же деревня. Это могла быть собака или коза у кого ушла. Не накручивай себя.

— Угу, — киваю, хотя она не видит. — Ладно, мам, я позже позвоню.

Я отключаюсь и остаюсь стоять посреди двора с телефоном в руке. Воздух неподвижный. Полуденный. Густой. Я делаю глубокий вдох, выдыхаю и стараюсь убедить себя, что у меня слишком богатая фантазия.

Глава 2. Даша

Я возвращаюсь к машине. Солнце по-прежнему приветливо греет, воздух пахнет полынью, но меня не покидает чувство тревоги.

Открываю пассажирскую дверь, достаю из сумки ключи. Ключ тяжелый, старый, с изогнутыми зубцами и потертым колечком, на котором висит выцветший брелок-лодочка — подарок деда. Металл холодит ладонь. Я царапаю ноготком зазубрины на ключе, не смея обернуться. Мне кажется, что за спиной кто-то стоит. Возвышается надо мной. Дышит со мной одним воздухом. Я слышу его. Чувствую жар, что исходит от тела.

— Я просто поехала крышей, — произношу под нос, всматриваясь в отражение в автомобильном стекле. Естественно, я не увидела ничего, кроме деревьев и яркого солнца в небе.

Пока иду к дому, то и дело ловлю себя на том, что оборачиваюсь. Ветки тихо шевелятся от ветра, но глаза все равно ищут источник. Силуэт, тень, подтверждение, что я не сошла с ума.

Никого.

— Ну хватит, — шепчу я себе, но шаг все равно ускоряю.

Ключ скрипит в замке, дверь поддается с протяжным, жалобным скрипом, и запах дома ударяет в лицо.

— А говорил, что не курит, — ворчу я, улавливая табак.

Оставляю дверь приоткрытой и почти сразу подхожу к окну. Тонкая занавеска шевелится от легкого сквозняка. Внутрь все сжимается. Невесомый, но ощутимый чужой взгляд будто ползет по коже. Вниз — от шеи до лопаток.

Мне определенно нужно выспаться.

Переключиться.

Отдохнуть!

Или я действительно сойду с ума.

С этими мыслями я перемещаюсь по домику и раскладываю разбросанные вещи на места.

Я провожу ладонью по комоду — остается чистая полоса.

— Ну, здравствуй, дед, — шепчу я, чувствуя, как в груди поднимается волна тепла.

Он бы, конечно, отругал. Сказал, что я зря мотаюсь. Но сейчас он в больнице.

Ночью увезли с давлением. Удивительно, что скорая приехала в эту глушь вовремя.

Я начинаю убирать.

Развешиваю на стуле дедов пиджак, аккуратно складываю газеты в стопку, смахиваю пыль, мою посуду, ставлю чайник на плиту.

Движения на автомате. Тело делает, и разум медленно расслабляется.

Через час кухня сияет чистотой, в комнате пахнет свежестью, а в распахнутые окна врывается теплый воздух. Я при-

слоняюсь к косяку и ловлю себя на мысли, что не тороплюсь.

Я ведь могла бы уже уехать. Вернуться в город, к привычной жизни, где меня ждет муж. Вечно недовольный, требующий, выжимающий меня до последней капли.

Не хочу.

И внутри рождается удобное, рациональное оправдание: “Нужно хорошенько прибраться. Помочь. Когда деда выпишут из больницы, ему будет приятно”.

Но я знаю, что это ложь.

Я просто не хочу возвращаться домой.

Я завариваю травяной чай в старой эмалированной кружке, добавляю ложку меда и выхожу во двор.

Воздух уже не такой жаркий, тени удлиняются. Как же мне нравится тишина. Я спускаюсь по скрипучим ступеням, ступни холодит трава, я потягиваю ароматный напиток и наслаждаюсь минутами покоя, перед тем как вернуться в ад.

Во дворе стоит старая сетчатая кровать. Я ставлю кружку на траву, бросаю сверху кровати одеяло, которое валяется рядом, и сажусь. Металл скрипит, сетка прогибается под моим весом.

Я ложусь, вытягиваю ноги, шурю, глядя на голубое небо. Не понимаю, в какой момент закрываю глаза. Перед тем как уснуть, в голове мелькает мысль, что странно не чувствовать вины. Странно никуда не торопиться.

Кажется, как только я закрыла глаза, в реально возвращает телефонный звонок.

Сердце подскакивает, ладони холодеют. Я сажусь, не сразу соображая, где нахожусь, задеваю ногами кружку и разливаю чай.

Звонок не стихает.

На экране «Любимый».

Нажимаю на зеленую кнопку.

— Да... — голос срывается, и я спешно прочищаю горло.

— Ты где? — звучит резко. — Почему не берешь трубку?

— Я же говорила, — стараюсь говорить спокойно, хотя внутри все снова сжимается в тугий узел, — поехала к деду за вещами. Здесь связь иногда пропадает.

Вновь оправдываюсь. Как же я ненавижу это делать.

— Когда вернешься?

— Чуть позже. Мне нужно ему помочь.

— Ему?! — перебивает он, и я слышу, как скрипит металл, наверное, он сжимает подлокотник кресла. — А кто обо мне подумает? Кто мне поможет? Мне тяжело! Или ты забыла, что я в коляске?!

— Не забыла, — шепчу я. — Моя мама рядом, она обещала...

— Твоя мать, — фыркает он. — Маме легче жалеть тебя, чем меня. Удобно, да? Все решают, что ты жертва. А я кто тогда?

Я выдыхаю, чувствуя, как из груди уходит весь воздух.

Вдалеке слышно потрескивание веток.

— Не начинай, пожалуйста.

Странно, но в ответ тишина.

— Алло? — говорю я в пустоту. — Алло!

Экран показывает: “Сети нет”.

Я поднимаюсь, чуть подрагивая от раздражения. Делаю пару шагов по двору, вытягиваю телефон вверх, но полоски сигнала так и не появляются.

— Отлично, — выдыхаю я. — Просто замечательно.

И в этот момент чувствую то самое чужое присутствие.

Кожа покрывается мурашками.

Медленно поворачиваюсь.

У калитки мужчина. Высокий, широкоплечий, в темной рубашке, застегнутой до горла. Лицо наполовину в тени, но я вижу глаза. Яркие, внимательные.

— Простите, — его голос звучит спокойно. — Вы, наверное, родственница Виктора Сергеевича?

Я не могу заставить себя ответить сразу.

— Да, — выдыхаю наконец. — А вы... кто?

Мужчина не торопится со мной вести диалог. И не торопится уходить. Продолжает стоять у границы участка.

Я впервые вижу его, внимательно всматриваюсь в лицо, в осанку, в каждый штрих. Пытаясь вспомнить, но память упорно молчит. Он точно не проживает в Лозовицах. Деревня не такая большая, чтобы мы ни разу не встретились.

«Или приехал в момент моего отсутствия», — подсказывает разум.

Высокий, широкоплечий, в темной рубашке, что подчер-

кивает сильные руки и широкую грудь. Свет ложится на него мягко, золотит светлые волосы. Я ловлю себя на том, что не могу отвести взгляд.

Он невероятно привлекателен.

Не как мужчины на обложках журналов. Безупречные манекены. В нем присутствует уверенность. Он кажется спокойным, возможно, немного грубым. Мне просто невозможно представить мужчину его габаритов милым и ласковым. И чем дольше я на него смотрю, тем сильнее внутри все сжимается от непонятного волнения. В груди становится тесно. И я чувствую предательский жар, что опалает лицо и спускается по шее, превращая соски в упругие горошины.

— Боже! — срывает с моих губ, и я отвожу взгляд.

Глаза округляются от понимания, что я элементарно запала на незнакомца.

Мое тело отреагировало на первого встречного! Вот так просто!

Если до этого момента я чувствовала себя опустошенной, то сейчас к опустошению прибавляется стыд.

Я замужем!

«Замужем за человеком, который больше двух лет не прикасался к тебе», — оправдываю себя. Со мной сыграла злую шутку простая физиология.

Так и есть!

Хочется надавать себе звонких оплеух и прийти в себя.

— Меня зовут Роман, — наконец представляется мужчи-

на, вдыхая, словно он собрался лишить всю деревню кислорода, и обаятельно улыбается. — Я живу неподалеку. Зашел узнать, как Виктор Сергеевич.

— Спасибо, уже лучше. Скоро вернется.

— Рад слышать, — говорит он. — А вы тут... — массивная мужская ладонь в воздухе изображает дугу. — Одна?..

— Я?.. — оглядываюсь, словно кто-то может мне помочь. Но никого, кроме нас, нет. — Одна, — признаю очевидное. — Сейчас возьму вещи дедушке и поеду домой, — зачем-то рассказываю свой план. Наверное, хочу показать, что не собираюсь задерживаться в Лозовицах надолго.

Я невольно отступаю.

Солнце уже почти село, тени стали длиннее. Еще чуть-чуть — и стемнеет.

— Спасибо, что зашли, — быстро произношу.

Мужчина делает шаг вперед. Еще шаг — и он уже у калитки. Не дожидаясь приглашения, открывает ее и входит во двор.

— Помочь с чем-то? — спрашивает, взглядом скользя по моим рукам.

Я машинально обхватываю себя, ища укрытия. Сердце сбивается с ритма.

— Нет, спасибо. Я сама справлюсь.

Он не уходит.

Медленно приближается, и теперь между нами остается каких-то пару шагов. Я чувствую его запах — пряной древе-

сины. Разве так должны пахнуть мужчины в деревне?!

— Поздно уже, — констатирует он. — Не думаю, что стоит красивой девушке оставаться одной в глухом лесу.

Я не понимаю его слов. Это забота? Угроза? Флирт?! Последнее предположение приводит меня в замешательство.

Определенно я перестала понимать подтекст, общаясь с мужчинами.

— Здесь не глухой лес. Рядом соседи.

В свое время дедушка смог выкупить большой кусок земли. Он настолько любил тишину и уединение, что потратил все до последней копейки на красивый участок земли, прилегающей к озеру. И сейчас, кажется, это сыграло со мной злую шутку. Даже если я закричу, то вряд ли меня услышат.

— Тогда я подожду, чтобы вы не оставались одна.

— Не нужно, — отзываюсь резко. — Правда, я в порядке.

Мы стоим друг напротив друга.

Я не знаю, куда смотреть.

Во рту пересыхает, тело подрагивает, в голове шумит. Хочется что-то сказать, но язык не слушается. У меня или инсульт, или я разучилась быть женщиной.

Хочется спрятаться, сделать шаг назад, чтобы не вдыхать аромат явно дорогого парфюма, но ноги приросли к земле. Я ловлю себя на том, что снова смотрю на незваного гостя, и мгновенно отворачиваюсь, чувствуя, как щеки вспыхивают.

— Все хорошо, — выдыхаю скорее себе, чем ему. — Правда. Я уже уезжаю. До свидания.

Разворачиваюсь и иду на непослушных ногах в дом, чувствуя себя словно под прицелом снайперской винтовки. Захожу внутрь, останавливаюсь в прихожей, затаив дыхание. Прислушиваюсь.

Снаружи тишина. Только стрекот кузнечика и поскрипывание доски под моими ногами.

Шагов не слышно.

Но я все равно крадучись прохожу к окну. Осторожно приподнимаю занавеску, выглядываю.

Мужчина стоит у калитки, словно что-то обдумывает. Потом поворачивается и идет по тропинке, наконец, его силуэт исчезает в полумраке.

Облегчение накрывает волной. Я выдыхаю, опираюсь рукой о подоконник.

Нужно возвращаться, пока не стемнело.

В комодѐ нахожу дедовские бумаги, аккуратно сложенные в старую потертую папку. Достая ее, сажусь за стол и начинаю разбирать. Рецепты, чеки из аптеки, какие-то квитанции. Под кипой вырезок из газет нахожу пластиковую папку поменьше с выписками из больницы. Бегло их просматриваю и уже собираюсь сложить обратно, когда из папки выпадает свернутый вдвое лист. Чуть желтоватый, плотный, с яркой синей печатью. Разворачиваю документ и застываю.

В глаза бросается первая строка: «Договор дарения жилого дома и земельного участка». Взгляд скользит ниже. Даритель: Виктор Сергеевич Кузьмин. Одаряемый: Роман Андре-

евич Суздалев.

Так вот зачем он приходил!

Глава 3. Даша

Пальцы дрожат.

Бумага соскальзывает с ладони и падает на пол, мягко шелестя по дереву. Я не сразу наклоняюсь, чтобы поднять ее. В голове кружат панические мысли. Роман Андреевич Суздалев, повторяю про себя.

Имя звучит набатом в голове.

Роман.

Он.

Я бросаю взгляд на окно, потом на входную дверь.

Вот и встало все на свои места, он пришел за документом. Увидел меня и побоялся зайти. Сейчас мошенник ждет, когда я уеду, чтобы беспрепятственно войти в дом и обыскать его. Да, так и есть!

«Мне нужно остаться тут», — полосует сознание.

А зачем? Что я сделаю против взрослого крупного мужчины? Я никогда не отличалась силой, а теперь тем более. За два года я сбросила больше десяти килограммов и не скажу, что они были лишние.

Грудь будто сжимают изнутри. Я чувствую, как дыхание сбивается, становится коротким, хрипловатым.

Дарственная. Не договор купли-продажи. Дарственная.

Нужно уехать как можно быстрее и забрать документ. А дальше решать по обстоятельствам. Но точно нужно обра-

титься в полицию. Дед не мог подарить непонятно кому свой дом. Если он это и сделал и печать нотариуса настоящая, то все точно произошло под давлением.

— Ну нет, — шепчу я, опускаясь на корточки. Бумага снова оказывается в моих руках, но буквы плывут, сливаются.

Когда? Как? Почему он ничего не сказал?

Я бы знала. Я должна была знать. Пытаюсь найти дату подписания договора, но в панике ничего не разбираю.

В голове проносится одно объяснение за другим: дед был болен, его могли обмануть, или он не понимал, что подписывает, или... он доверял этому мужчине.

Поднимаюсь и машинально ищу телефон.

Сети все еще нет.

Я бью по экрану пальцем, словно от этого появятся полоски сигнала.

— Господи, — выдыхаю, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Хожу по комнате туда-сюда.

Что делать? Ехать в больницу к деду? Ночь на дворе. Полтора часа по трассе. Нет, к нему нельзя. Ему только смогли нормализовать давление.

Остаться здесь глупо.

Я снова подхожу к окну. На улице полумрак. Каждая тень кажется чужим движением. Каждый звук — шагом.

Где-то за стеной стук. Я замираю. Прислушиваюсь.

Но потом слышу щелчок. Будто кто-то задевает калитку.

Кровь сходит с лица. Я тянусь к выключателю, но в последний момент передумываю. Не хочу, чтобы снаружи было видно, что я здесь. Подхожу к окну, приподнимаю уголок занавески.

Никого.

Двор пуст. Вечерний туман поднимается с травы и тянется к крыльцу.

Сердце колотится.

Я медленно отступаю, все еще держа в руке договор и телефон. Экран вспыхивает. В правом верхнем углу загорают долгожданные полоски сети. Я едва не вскрикиваю, с дрожью в пальцах открываю список контактов, нахожу “Мама” и сразу жму на вызов.

— Дашенька? Все в порядке? Ты уже дома?

— Нет, мам, не дома, — слова сбиваются под натиском мыслей, — Скажи... ты что-нибудь знала, что дед мог оформить дарственную на дом?

Пауза.

Такая долгая, что я начинаю думать, что связь снова оборвалась.

— Мам?..

Слышу, как она тихо выдыхает.

— Кто тебе сказал?

— Никто! — почти кричу. — Я нашла документ. Дарственная на какого-то Романа Суздалева. Этот человек был здесь! Сегодня! Он приходил! Сказал, что живет неподале-

ку, что знает деда...

Снова продолжительное молчание.

— Я не была уверена. Дед что-то говорил про документы. Я ничего не разобрала, подумала, что ему просто плохо и он волнуется, чтобы ничего ценного не осталось в доме. Бригада, которая его забирала, сказала, что с дедом был высокий спортивный мужчина со светлыми волосами.

— Да, он, — произнесла я, узнавая в описании того, кто ушел несколько минут назад.

— Даша, ты сейчас там одна?

— Да, — отвечаю почти шепотом.

— Уезжай. Слышишь? Немедленно уезжай! — в голосе мамы проступает тот стальной тон, который я помню с детства. — Садись в машину и поезжай домой. Не разбирайся сама. Все выясним утром. Только, пожалуйста, не оставайся там. Никакой дом не стоит жизни!

— Но если он вернется...

— Тем более! — перебивает она. — Возьми документы, закрой дом и уезжай. Поняла? Перезвони через десять минут, чтобы я убедилась, что ты выехала из деревни.

Я сглатываю тугую слюну.

— Хорошо.

— И, Даш, — добавляет мама, уже тише. — Не вздумай звонить деду.

Связь снова прерывается, но мне уже не важно.

Я стою посреди комнаты, сжимая телефон и папку с бу-

магами, и дрожу от страха. Я убираю лист обратно в папку, хватаю сумку и роюсь в ней, пока не нахожу ключи от машины. Закрываю дом.

Выбегаю на улицу. Воздух холодный, влажный, режет кожу. Бросаюсь к машине, ключ проваливается в замок, и слышу только жалобное щелканье реле. Поворачиваю еще раз — тот же звук. Пробую третий раз. Приборная панель моргает и тут же гаснет. Я вырываю ключи из замка зажигания, выскакиваю из машины и замираю у приоткрытого капота. Тяну крышку вверх. Металл холодит ладони. Склоняюсь над двигателем, словно могу что-то понять, включая фонарик на телефоне, и обреченно выдыхаю. Кто-то разорвал провода. Тонкие медные нити торчат из обмотки и поблескивают на свету.

Сердце в горле. Я почти касаюсь пальцами обрезанных концов, но вовремя отдергиваю руку. Это точно не случайность. Кто-то целенаправленно испортил автомобиль. Перерезал провода.

В памяти всплывает привлекательное мужское лицо. Рука сама собой тянется к сумке с договором. Я осматриваюсь и снова пытаюсь завести машину. Ожидаю чуда, не меньше.

— Мам... машина не заводится, — выдавливаю я, записывая ей голосовое сообщение. Сети вновь нет, но когда-то же она появится, и мама получит мое сообщение. — Кто-то открыл капот... провода... они перерезаны. Кажется, это не случайно. Я сейчас схожу к соседям. Или... мне придется

переночевать в домике. Не волнуйся, я закрою все замки.

Отпускаю палец, зажимавший изображение микрофона, тут же удаляю сообщение и перезаписываю. Мама сойдет с ума, узнав, что кто-то повредил мне автомобиль.

— Мам, машина не заводится. Кажется, я забыла заправиться. Утром схожу к соседям, попрошу бензин. Не волнуйся, переночую в домике, обязательно закрою все замки. Скажи Леше, чтобы он не волновался, — добавляю, вспоминая про мужа. Вряд ли он будет волноваться обо мне, скорее — злиться, что я оставила его одного.

Я кидаю взгляд в сторону дорожки, ведущей к соседям. Туман становится плотнее, где-то далеко хрустят ветки. И вдруг звук размеренных шагов. Я не вижу идущего, но уверена, что больше не одна.

— Кто здесь?! — голос предательски срывается.

Тишина.

Я делаю шаг назад. За ним второй.

На дорожке появляется тень огромного зверя. Застывает. Не двигается. Это точно не человек. Что-то на четырех ногах и с огромной головой. Волк? Разве в природе существует волки таких размеров?

Я не дышу.

Не могу.

Воздух застревает где-то между горлом и грудью, обжигая изнутри.

Туман колыхнется, расползется по земле, и из его плот-

ной белесой пелены постепенно вырисовывается *он*.

Зверь двигается размеренно, уверенно, как будто знает каждый сантиметр этого двора.

Серебристая шерсть переливается в слабом свете луны, густая, блестящая.

Зверь идет вдоль забора абсолютно бесшумно. Широкая грудь, мощные лапы.

Он огромный.

Я прижимаюсь спиной к двери машины, чувствуя, как сердце стучит о ребра, пытаюсь проломить грудную клетку.

«Это сон, — повторяю про себя. — Так не бывает. Таких не бывает».

Но зверь реален.

Он живой.

Я вижу, как он склоняет морду к земле, втягивает воздух, нюхает, словно берет след. Ноздри расширяются, пар клубится, расползается по туману.

Он обходит машину кругом.

Я слышу тихий, влажный звук дыхания.

Потом короткое низкое рычание.

Мои пальцы судорожно сжимают ручку двери. Я не могу заставить себя закрыть глаза, просто смотрю, как чудовище медленно приближается. Подходит ближе. Я вижу каждую деталь: янтарные глаза, глубокие, немыслимо осознанные; влажный нос; пар, поднимающийся от горячего тела и вырывающийся из пасти.

Он замирает рядом, наклоняет голову, обнюхивает бампер, колеса...

А потом поднимает взгляд.

Наши глаза встречаются.

И все внутри меня останавливается.

Его взгляд человеческий.

Не голодный, не звериный, не пустой. В нем есть что-то... изучающее. Он смотрит не просто на меня, а словно пытается проникнуть в мысли.

Я не могу отвести взгляд. Хочется закричать, но губы и язык не слушаются.

Секунды тянутся как вечность.

А потом волк моргает, теряет интерес, делает шаг назад, бросает взгляд в темноту за забором и уходит. Спокойно, уверенно.

Туман поглощает его. Тень зверя растворяется между деревьями.

Я опускаюсь на землю, чувствуя, как подкашиваются колени.

— Господи... — выдыхаю, зажимая рот ладонью. — Что это было?..

Медленно поднимаюсь, держась за крыло машины. Колени дрожат, адреналин продолжает бушевать в крови.

Я возвращаюсь к дому, бросая опасливые взгляды через плечо и прислушиваясь к малейшему поскрипыванию или шелесту листвы.

Ключи звенят в пальцах, замок поддается не сразу. Когда дверь наконец открывается, я захожу внутрь, сразу запираю ее на все замки и щелкаю задвижкой.

Тихо.

Воздух от страха свистит в легких.

Я обхожу комнаты, проверяю окна, закрываю шторы. Когда наконец сажусь на край дивана, клянусь себе, что уеду отсюда, как только станет светло. Пойду к соседям и попрошу помощи. Включаю настольную лампу. Мягкий теплый свет разливается по комнате, сглаживая тени. Бреду на кухню, не переставая прислушиваться к происходящему на улице, на автомате наливаю стакан воды и залпом выпиваю его, понимая, как пересохло горло.

Обещаю себе не подходить к окну, но любопытство сильнее. Приподнимаю край шторы и выглядываю.

Снаружи ночь, тяжелый туман над землей. Ветки деревьев покачиваются, словно кто-то только что прошел мимо. И вдруг я снова вижу силуэт. Зверь идет вдоль ограды, так спокойно. Прогуливается.

Он останавливается, поднимает голову, задерживается на мгновение взглядом на окне, потом идет дальше.

Я не чувствую прежнего ужаса.

Наоборот, странное спокойствие.

Я или сошла с ума, или он охраняет территорию. Возможно, дед прикормил хищника и тот пришел за порцией мяса?..

Я долго всматриваюсь в туман. Иногда мне кажется, что

это не волк, а человек. Иногда — что я сошла с ума. Но каждый раз, когда вижу, как тень снова проходит вдоль забора, внутри становится чуть спокойнее.

Ночь тянется бесконечно.

Я так и остаюсь у окна, прижавшись плечом к холодному стеклу, пока глаза не начинает резать от усталости. Туман постепенно густеет, и вскоре даже силуэт зверя не проглядывается. С неба падают первые капли. Телефон продолжает показывать отсутствие связи. Дождь усиливается, гремит по крыше, по жестяному козырьку над крыльцом, как по барабану.

Сквозь шум воды мне мерещатся тихие шаги. Кто-то ходит прямо под окном. Я задерживаю дыхание, прислушиваюсь. Шаги становятся чуть громче, потом исчезают. Вслед за ними — топот по мокрой земле. И крики. Где-то далеко, за огородами, может, у дороги. Я не могу разобрать слов, только чувствую, как по коже бегут мурашки.

Больше я не слышу ничего пугающего и уговариваю себя, что крики были не человеческими, а, к примеру, птичьими, или все намного банальнее: какой-то выпивоха возвращался домой и упал, обложив землю под ногами и все вокруг отборными ругательствами. Это же деревня!

Эта мысль плотно закрепилась в моей голове, когда сквозь непогоду прорвалось мамино сообщение: “Дядя Паша не добрался до тебя, дорогу развезло. Утром обещал принести канистру бензина”.

— Ну вот, все просто, — выдыхаю я, присев на диван и плотнее заворачиваясь в колючий плед.

Неожиданно в глаза что-то светит. Я моргаю, щурюсь. За окном утро, дождь стих.

Голова гудит, тело ломит. Я заснула сидя, наклонившись надок, и теперь чувствую, как занемели ноги.

Даже не поняла, как провалилась в сон.

Стук в дверь.

Повторный.

— Дарья! Это дядя Паша. Дарья! Мать твоя уже три раза звонила.

Я поднимаюсь на непослушных ногах, справляюсь с замком и распахиваю дверь.

— Я уж заволновался, — с явным облегчением произносит невысокий мужчина с седыми всклокоченными волосами. — Показывай, что у тебя за проблема, — машет рукой на машину, которую уже осматривает мой вчерашний гость. — Да ты не бойся. Роман в этом деле лучший.

Глава 4. Даша

Я инстинктивно остаюсь на пороге, не делая шаг вперед.

— Здравствуйте, — киваю дяде Паше и только потом перевожу взгляд на мужчину у капота. Он не поднимает головы, сосредоточенно что-то рассматривает. Светлые волосы намokли от морosi, рукава рубашки закатаны, на предплечье тонкая свежая царапина.

— Роман, — подсказывает дядя Паша, — это Дарья, внучка Виктора Сергеича. Дарья, это Роман. По машинам он у нас лучший. Да и вообще выручает всех.

— Мы уже... встречались, — говорю я осторожно. — Вчера.

Роман наконец поднимает взгляд и дарит короткий вежливый кивок.

— Провода срезаны, — спокойно сообщает он, будто речь о пустяке. — Точно не мыши. Кто-то постарался. Я сделаю. Но не за пять минут.

— Срезаны? — дядя Паша хмурится. — Вот те раз... кому это понадобилось?

Роман пожимает плечами, привлекая внимание к невероятных размеров спине. От его простых движений под рубашкой бугрятся мышцы.

— Я никого не видела около машины, — отвечаю, и в горле встает ком.

Утро всегда стирает ночные страхи. Но мои не уходят полностью. Я еще чувствую отголоски паники.

— Так... — дядя Паша понижает голос. — Не переживай. Сейчас дотащим до мастерской Романа на тросе, он там все подлатает.

— Не нужно, — вырывается слишком быстро. — Я разберусь. Позже. Вызову эвакуатор. Я... хотела спросить, — перевожу взгляд на дядю Пашу и шепчу, — вы давно его знаете?

— Ромку-то? — удивляется он. — Его семья тут уже лет двадцать обитает. Дом выкупили у Ефимовых, мастерскую в старом коровнике обустроил. Тихий. Работающий. Помогает всем: кому забор подправить, кому мотор починить. С дедом твоим ладили, он к нему пару раз заходил то лампочку, то насос глянуть.

— Тихий, — повторяю я, почти не двигая губами. Перед глазами всплывает ночной силуэт у калитки. И другой — звериный. — А... собак у него нет?

— Этого я не знаю, — дядя Паша разводит руками. — Спроси.

— Нет, — я активно отрицательно кручу головой.

— Почему? — удивляется мужчина. — Ром, а у вас собака есть?

— Есть. Отец разводит волкособов, — отвечает, продолжая осмотр машины. — Это такая помесь собаки и волка. А что? — спросил он, взглянув на мужчину, а потом на меня.

Меня бросает в холод.

— Видела вчера, — призналась я.

— Напугал?

— Есть немного, — зачем-то преуменьшаю.

— Сильно? — спрашивает с нажимом.

— Сильно.

— Больше не будет, — отрезает, достает из заднего кармана тряпку и вытирает руки. — Я сейчас вернусь, — предупреждает он и уходит.

Спросонья я не заметила припаркованный черный внедорожник у дальнего угла участка. Мужчина направляется к нему, с легкостью запрыгивает на водительское сиденье, заводит рокочущий мотор и уезжает, оставляя глубокие следы на грунтовой дороге. После дождя моя малышка здесь точно не проедет. Даже если бы машина была исправна, я бы застряла в метре от забора.

— Дарья, — дядя Паша разворачивается ко мне, — мать твоя толком не спала, переживала. Позвони ей. И ты бы чаю согрела, а мы тут... Мужики разберутся.

— Сейчас согрею, — обещаю я, понимая, что мне нужно как можно дольше задержать дядю Пашу. Остаться наедине с Романом — натуральная глупость. Что ему стоит найти документы. Надавить на меня? Применить физическую силу? Мне с ним не справиться одной. «Да и с дядей Пашей не справиться», — признала я, переводя дыхание.

Я вхожу в дом и ставлю чайник. До возвращения Романа

успеваю спрятать папку, банально сунув ее под подушку дивана и прикрыв сверху пледом.

На столе гудит телефон.

— Да, мам, — отвечаю я, стараясь не двигаться, пока ловит связь.

— Даша? — голос мамы дрожит, и в нем слышится облегчение. — Все в порядке? Дядя Паша пришел?

— Да, мам, со мной все хорошо.

— Он помог тебе с бензином?

— Бензином? — переспрашиваю и спохватываюсь. Я никогда не умела врать и, видимо, не научусь. — Да. Помог. Только был ливень. Развезло дороги. Пока не могу выехать. Что-нибудь придумаю.

— Ну, хорошо, — мама успокаивается, быстро переключается и рассказывает о самочувствии деда. — Я ему ничего про дарственную не стала говорить. Потом.

— Если не станет слишком поздно, — шепчу себе под нос.

Дед точно не перенесет потери своего любимого дома.

Когда кладу трубку, на сердце не становится легче. На телефон сыплются десятки уведомлений о пропущенных звонках и сообщения от мужа. Я пробегаю глазами, но стараюсь не акцентировать на них внимание, прекрасно зная, как его слова ранят меня.

“Ты где?”

“Почему отключила телефон?”

“Твоя мать не погрела мне второе”.

“Ты вообще собираешься сегодня возвращаться домой?”

“Ты с кем?”

“Думаешь, я не понимаю?”

Остальные я перелистываю, даже не пытаюсь понять содержимое. Я знаю, что там. Угрозы, оскорбления и грязь.

Часть меня прекрасно понимает мужа, вторая — брезгливо кривится и очень хочет свободы.

Я выдыхаю и сажусь на край дивана, уткнувшись в экран телефона. Пальцы сами печатают коротко, без эмоций и лишних слов, чтобы переписка не переросла в скандал.

«Леш, дороги развезло, реально не проехать. Дождь лил всю ночь, — хочу написать, что сосед мне помогает, потом уточняю, что это дядя Паша... Дядя! Намекая на мужчину старше средних лет. — Дядя Паша помогает с машиной. Вернись, как только подсохнет. Не переживай».

Палец висит над кнопкой “Отправить”.

«Не переживай» — как будто ему реально есть до меня дело.

Я все равно нажимаю.

Через пару секунд сообщение уходит, и на экране появляется пометка: “Доставлено”.

Я ощущаю, как напрягаются мышцы на шее. Знаю, что сообщение не останется неотвеченным. И дома меня будет ждать неприятная беседа.

С кухни слышен гул закипающего чайника. Крышка звенит, пар стелется по воздуху. Я достаю кружки. Две. Для нас

с дядей Пашей. На автомате насыпаю заварку, заливаю кипятком. Запах свежего чая немного бодрит.

Секунда тишины — и за окном раздается знакомый рев мотора. Черный внедорожник медленно подъезжает к участку, шины чавкают по мокрой земле. Мужчина со звериной грацией выходит из машины, перепрыгивает лужи, выбирая места посуше. Двигается спокойно, словно действительно пришел помочь. И это почему-то злит сильнее, чем если бы он пришел с напором. Дядя Паша машет ему, и Роман направляется к дому. Я достаю третью кружку, решив, что не стоит показывать свою осведомленность. Он обычный сосед, а соседей угощают чаем.

Когда он открывает дверь, влажный воздух врывается в дом. Дядя Паша смеется где-то в коридоре:

— Ну вот и наш мастер вернулся! Сейчас заведет твою красавицу, и ты, Дарья, домой умчишься!

Я отворачиваюсь, делаю вид, что занята посудой, но все равно вижу, как Роман входит, чуть пригибаясь в дверях.

— Проходите. Я как раз чай налила. Ничего сладкого не нашла. Только мед и сахар.

— Спасибо, — благодарит Роман.

Он идет к столу, присаживается почти беззвучно, пока дядя Паша напоминает слона в посудной лавке.

Не поднимая глаз, я подаю кружку дяде Паше, следующую перед собой, и последнюю — напротив.

— Чай свежий, — произношу сдавленно.

— Идеально, — произносит Роман.

Дядя Паша хлопает себя по колену и начинает привычные разговоры о погоде, дорогах, соседях. Роман слушает вполуха, отвечает коротко и вежливо.

А я все время ощущаю на себе его взгляд. Как будто он считывает мои движения, каждый мой вздох. Пытается понять, знаю я что-то о дарственной или нет?

Глава 5. Даша

Иногда я выхожу на крыльцо проверить, как идут дела. Роман и дядя Паша по-прежнему возле машины: крутят, стучат, переговариваются. Изредка раздается смех дяди Паши или короткие, спокойные ответы Романа.

После ночного ливня земля раскисла, воздух тянет сыростью. Под предлогом, что мне нужна вода, я прохаживаюсь вокруг дома, пытаюсь найти человеческие следы. Ведь кто-то вчера ходил под окнами.

— Помочь? — мужской голос окончательно выбивает меня из колеи. — Скважина забилась? — интересуется Роман, замечая в моих руках пустое ведро.

— Да, — отвечаю и тут же даю себе мысленных оплеух. Я ведь совсем недавно при мужчинах мыла посуду на кухне. — Нет, я просто выносила грязную воду, — я оставляю пустое ведро у дерева и, не выдержав тяжелого взгляда, суетливо интересуюсь: — Что с машиной? Все плохо?

— Пока ничем не могу порадовать.

Я позволяю себе встретиться с Романом взглядом. Вскидываю голову, чувствуя себя совершенно крошечной рядом с ним. Хочется подойти к крыльцу и подняться на пару ступеней, чтобы хоть немного сравняться ростом.

— Мне сегодня очень нужно попасть домой.

— Проблемы?

Я хмурю брови. Какая ему вообще разница, есть у меня проблемы или нет?

— Работа, — отвечаю коротко. — Ждут отчетов. А тут беда со связью, да и работать не на чем. Я рассчитывала обернуться одним днем.

Мужчина делает шаг ко мне, шумно дышит, и я инстинктивно отступаю.

— Если не получается починить, я вызову эвакуатор, — лепечу, вытягивая голову и сбегаю в дом.

— Не нужно, я сделаю.

— Спасибо, — выкрикиваю уже из комнаты.

Эвакуатор был последним вариантом. Во-первых, вряд ли кто-то поспешил бы в тот же день в область, а во-вторых, эта услуга обошлась в очень круглую сумму, которой у меня элементарно нет.

Я возвращаюсь в дом и сажусь на край дивана. Телефон в руках кажется смешно маленьким для той работы, которую я пытаюсь делать. Но выбора нет. Ноутбук остался дома, а отчеты никто не отменял.

Я открываю почту. Десятки непрочитанных писем, уведомления, счета. Начальник уже написал: «Дарья, напомните, где файл с налоговой ведомостью?» В ответ коротко объясняю ситуацию и обещаю сделать как можно больше. Пальцы устали, глаза режет после бессонной ночи.

С улицы слышен гул мотора и голоса. Снова подхожу к окну. Роман стоит, прислонившись к крылу. Дядя Паша по-

казывает ему что-то, смеется. Роман слушает, но взгляд время от времени скользит к дому.

Или мне кажется.

Телефон вдруг завибрировал в ладонях. На экране “Любимый”. Я зажмуриваюсь. Может, не брать? Пусть подумает, что связи нет. Но звонок повторяется.

Я все-таки отвечаю:

— Да.

— Где ты? — голос мужа грубый. — Я тебе звонил сто раз.

— Ты читал СМС? Машина сломалась, — тихо говорю.

— Сосед помогает, дороги все развезло.

— Какой сосед? Ты сейчас у кого?

— У деда в доме, — быстро отвечаю. — Сосед помогает с ремонтом. Леш, тут все не так просто. Приеду — объясню.

— Не так просто, — он усмехается. — Ты же у нас не теряешься, да? Всегда найдется тот, кто поможет.

Я до боли прикусываю губу.

— Леш, я просто не могу выехать. Здесь грязь по колено.

— Конечно. А ты, как всегда, ни при чем.

Слова падают одно за другим, как камни. Мне хочется бросить трубку, но я знаю, потом будет хуже.

— Хочешь, пришлю тебе фото?

— Мне ничего от тебя не нужно.

Леша сбросил звонок.

— Как по-взрослому, — прошептала я себе под нос.

Снаружи хлопает капот.

Я выхожу на крыльцо, чтобы вдохнуть свежий, еще прохладный воздух.

Роман поднимает голову, замечает меня.

— Заводится, — говорит просто. — Но дорогу все равно размыло. Лучше подождать до завтра. И проводку нужно менять. Сейчас, конечно, работает. Изолента творит чудеса, но в любой момент на трассе... — он разводит руками, демонстрируя прекрасную физическую форму. — Я бы не стал рисковать.

— Поняла. Спасибо, — шепчу я.

— Не за что, — отвечает он и снова отворачивается к машине.

— И что же делать? — интересуюсь я. — Не хотелось бы встать, не доехав до города.

Роман отрицательно покачивает головой, а дядя Паша радостно хлопает его плечу.

— Так ты сегодня собирался по делам. Помоги девочке, — просит его. — Как раз купишь проводку. И Дарью подвеziesz, вернешься, а я все сделаю.

— Нет, — вырывается у меня быстрее, чем я успеваю подумать.

— Что — нет? — одновременно спрашивают мужчины.

— Не нужно, — спешу добавить, чувствуя, как сердце гулко ударяет о ребра. — Я... подожду. Завтра, может, подсохнет.

Роман хмурится, глядя на меня пристально, чуть прищу-

рившись.

— Зачем ждать, если можно решить проблему сегодня?
— спокойно возражает он. — Все равно в город еду. Не по пути, конечно, но подвезу.

Он говорит это ровно, без нажима. И мне кажется, что в его взгляде что-то большее, чем просто соседская помощь. Пугающая внимательность.

— А вы, дядя Паша? — я цепляюсь за крохотный шанс.
— Вам случайно не нужно в город? Может, подвезем и вас?
— Ой, нет, Дашенька, — машет рукой он. — С моей спиной я по этим колдобинам не рискну. Да и зачем мне туда? Все нужное есть. А Ромка вон аккуратный, довезет без проблем.

— Я не спешу, — перебиваю, чувствуя, как к щекам приливает жар. — Мне правда неудобно, не хочу никого утруждать.

— Дарья, — Роман произносит мое имя медленно, про-
роковав букву “р” с хищной хрипотцой, — вы же сами говорили, что отчеты ждут.

Я не нахожу, что ответить.

Он прав.

Но каждый раз, когда он делает шаг ближе, мне хочется отступить на два.

— Я подумаю, — произношу тихо, глядя куда-то в сторону. — Может, позже.

— Как скажешь, — легко соглашается он, будто ему все

равно. Но в голосе есть легкое разочарование?

— Ладно, Ромка, — дядя Паша хлопает его по плечу. — Ты поезжай, купи все нужное. А вечером заглянешь, поможем установить.

— Хорошо, — кивает тот. — Только кофе выпью и в путь. Он направляется к дому, и я инстинктивно отступаю внутрь.

— Где можно руки помыть? — спокойно спрашивает он.

— Там, — я показываю на кухню и сама отступаю к окну, лишь бы не встречаться взглядом и не касаться.

Он проходит мимо, но его присутствие ощутимо, словно воздух становится плотнее.

Я слышу скрип крана, шум воды, шорох полотенца.

— Дарья? — голос Романа звучит уже ближе. — Все в порядке?

Я заставляю себя улыбнуться.

— Да, конечно.

— Не передумала ехать?

— Нет.

Мужчина выходит, я остаюсь стоять у окна, глядя, как он пересекает двор, не торопясь, тяжело ступая по размокшей земле.

Телефон снова вибрирует.

— Да, слушаю, — говорю я, стараясь звучать бодро.

— Дарья, где вы там пропали? — раздражение в голосе начальника сквозит даже через помехи. — Мне срочно ну-

жен номер подрядчика и файл с расчетами. Клиент на про-
воде, а у вас все на компьютере.

— Я не дома, — выдыхаю. — Машина сломалась, ноутбук там. Я не могу подключиться.

— Дарья, мне все равно, где вы. Мне нужен контакт, сейчас! Или вы не понимаете, что из-за этого срывается сделка?

— Попробую достать, — шепчу я. — Сейчас попробую.

Связь обрывается.

Я открываю список контактов, набираю Лешу.

Раз, два, три.

Пусто.

Гудки идут, но он не отвечает.

Еще попытка. И еще.

Пальцы дрожат, внутри знакомое и мерзкое чувство беспомощности.

Набираю маму, но сразу вспоминаю: она в больнице у де-
да и пробудет до вечера. Чувствую, как подступает паника.
Если не решу проблему сегодня, завтра будет скандал. А по-
том, может быть, и увольнение. А мне нельзя терять работу.

Снаружи хлопает дверца машины. Я выглядываю, Роман
уже за рулем, собирается тронуться.

— Подождите! — выкрикиваю я.

Выбегаю на улицу, пересекаю двор, оказываюсь на дороге,
ноги скользят в разные стороны. Мир накреняется. Но я не
успеваю упасть. Сильные руки подхватывают меня за талию,
удерживают, прижимают к чужому горячему телу.

— Осторожно, — говорит Роман у самого уха.

Я моргаю, пытаюсь поймать дыхание.

Он не отпускает сразу, лишь когда с легкостью переносит на траву.

— Что-то случилось? — спрашивает, глядя прямо в глаза.

— Да... я просто... — я судорожно сглатываю. — Мне нужно в город. Срочно. Я передумала. Можно с вами?

— Да. Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Глава 6. Даша

Я понимаю, что совершаю ошибку. Не ту ошибку, которую осознаешь потом, а ту, что чувствуешь каждой клеткой еще до того, как сделаешь неверный шаг.

Но я все равно его делаю.

— Минуту. Мне нужно взять вещи, — выдыхаю.

Роман обходит машину, молча прислоняется плечом к стойке, ждет.

Я начинаю метаться по дому, собирая сумку: зарядку, документы, телефон. Пальцы дрожат так, что молния не застегивается. На столе папка с доверенностью.

Мелкая деталь, о которой я утром даже не думала, теперь словно тревожно мигает красным светом.

Брать или оставить?

Если Роман действительно связан с этими бумагами, я сама подставляюсь. Если нет, могу случайно потерять единственное доказательство происходящего вокруг. Я несколько раз фотографирую доверенность для верности. Потом сворачиваю лист несколько раз, до размеров ладони, и долго стою, глядя на него. Сумка? Слишком рискованно. Карманы? Вывалится. Стараясь не думать об адекватности решения, прячу документ под бюстгальтер, ощущая прохладу бумаги кожей. Подхватываю сумку, выключаю свет. Мгновение стою у двери, прислушиваясь к звукам улицы. Двигатель

ожидающего меня автомобиля гудит размеренно. Роман не уехал.

Я выхожу, и с каждым шагом по спине пробегает холодок. Такое чувство возникает, когда ты осознанно идешь на риск, зная, что твои действия приведут к катастрофе.

Но всегда же есть маленький шанс на успех.

Рука тянется к серебристой ручке, но, прежде чем я успеваю сесть на пассажирское место и закрыть, Роман оказывается рядом.

— Осторожно, — говорит он, придерживая дверь, чтобы та не ударила меня по ноге.

Короткое, но осязаемое прикосновение к моей спине, когда он помогает устроиться на сиденье. Физический контакт, от которого в груди вспыхивает пожар, словно я съела что-то очень-очень острое.

Мужчина пахнет влажным лесом и чем-то первобытным. Он словно пропитан природой.

Я замираю, когда он склоняется ближе, берет ремень и, не спрашивая, пристегивает меня.

Боюсь шелохнуться и практически не дышу, когда его лицо в нескольких сантиметрах от моего. На долю секунды мне кажется, что я слышу... рычание. Низкое, утробное.

— Вы не слышали? — интересуюсь я, инстинктивно перейдя на “вы” и увеличивая дистанцию между нами.

— Что?

— Кто-то рычал?.. — спрашиваю неуверенно.

— Если только мой желудок, — хмыкает мужчина.

Я отворачиваюсь, делая вид, что заинтересовалась чем-то в противоположной стороне от Романа, и он садится за руль.

— Все в порядке? — спрашивает, не глядя.

— Да, — выдыхаю. — Очень спешу. На работе ждут документы, — поясняю, чувствуя неловкость. Я привыкла чувствовать вину. И сейчас она со мной.

Мотор взрывается, колеса хлюпают по грязи. Машину бросает из стороны в сторону, и я автоматически хватаюсь за ручку двери.

— Осторожно! — вырывается у меня, когда колеса попадают в глубокую колею.

— Извини, — спокойно говорит он. — После дождей дорога здесь такая всегда.

Следующий поворот еще хуже. Машину заносит, но Роман не теряет контроль, ловко выравнивает руль. Я, все еще вцепившись в ручку, чувствую, как внутри все сжимается от страха.

— Простите, — шепчу. — Я просто не привыкла к таким дорогам.

— Ничего, — отвечает он. — Скоро асфальт.

Грязь летит из-под колес, деревья мелькают, редкие дома тянутся вдоль дороги.

— Я заеду домой, — неожиданно говорит Роман. — Взять документы на машину. Это по пути.

— Конечно, — отвечаю я быстро, хотя внутри все про-

тестует. Страхи начинают скручиваться в тугой клубок. Он специально забыл документы? Или это совпадение? Тут же ругаю себя. Ну что за глупость мне лезет в голову?.. Сомневаюсь, что остальные жители Лозовиц передвигаются исключительно с водительскими удостоверениями и паспортами в кармане.

Через пару минут мы въезжаем в ту самую деревню, мимо которой я проезжала, когда ехала к деду.

Машина медленно катится по ровной дороге. Роман притормаживает у современного дома, глушит двигатель.

— Буквально минуту, — предупреждает

Я провожаю его взглядом.

Двор ухоженный, выложенный плиткой, у крыльца аккуратные кусты, резные перила. Совсем не похоже на дом деревенского механика. Роман поднимается по ступенькам и открывает дверь без ключа.

Хм. Он живет не один? Не помню, чтобы дядя Паша говорил об этом.

Мотор стих, и от тишины в ушах начинает звенеть. Я сжимаю ремень безопасности, осматриваясь. Секунды тянутся вязко. Замечаю собственное отражение в стекле. Выгляжу более измотанной, чем обычно.

Дверь дома открывается снова, и Роман выходит быстрым шагом.

Он идет к машине открывает водительскую дверь, бросает на сиденье рядом со мной кожаное портмоне.

— Нашел.

Я киваю.

— Ром! — раздается мужской голос от дома. — На минутку!

— Секунду, — произносит он мне и возвращается к дому.

Дверь захлопывается.

И снова тишина.

Я остаюсь одна.

Внутри гул собственного сердца.

Портмоне лежит на соседнем сиденье. Открытое наполовину. Документы выглядывают наружу. Паспорт? Водительские? Я смотрю на дверь дома. Вновь на сиденье.

— Господи, что я делаю, — шепчу себе и все равно тяну руку.

Пальцы дрожат, когда я приподнимаю кожаную обложку. Свет из окна падает прямо на фото. Это безусловно он. Тот же резкий подбородок, чуть прищуренные глаза.

Но фамилия...

— Коваль, — произношу ошарашенно.

Не та, что стоит в доверенности. Точно не та! Но мне все равно хочется достать листок и сверить.

В это мгновение раздается хлопок, и я едва успеваю вернуть портмоне на место, сложив так, будто и не трогала вообще.

Шаги приближаются.

Я отвожу взгляд, делая вид, что рассматриваю дома за

стеклом.

Роман занимает водительское место, мужской запах заполняет салон.

— Поехали, — говорит спокойно.

Я киваю, стараясь выровнять дыхание. Никогда не умела врать и жульничать. Вроде бы ничего не сделала, но чувствую себя преступницей.

Мы молчали.

Не знаю, о чем думал мужчина, я, казалось, думала обо всем сразу и ни о чем, погружаясь в тихую панику. На работе вырисовывались проблемы. Дед попал в больницу, переписав на кого-то свой любимый дом. Да какой стороны моей жизни не коснись, все было через мягкое место. А так хотелось найти поддержку в ком-то или чем-то. Место, куда возникало желание возвращаться, знать, что там тебя ждут. Ждут не для того, чтобы выплеснуть всю злость и хорошенько вытереть ноги. Нет, не для этого...

Я так много раз думала о пустых клятвах, что дают во время свадебной церемонии. В какой момент люди про них забывают? Когда перестают даже не любить, а уважать друг друга? Моя любовь к Леше умирала медленно. Мучительно, в надежде, что это лишь непростой период жизни и его лишь нужно пройти. Иногда любовь вновь расцветала, когда муж просил прощения, раскаивался за свои слова. Но когда твое сердце растаптывают методично и с извращенным усердием...

Слезинки собрались в уголках глаз. Я проморгалась. Перевела дыхание, глубоко вдохнув и медленно выдохнув.

— А вы давно знакомы с моим дедушкой? — спрашиваю я, боясь, что позорно разревусь в машине малознакомого человека.

Роман, взглянув на меня, откашливается:

— Пару лет.

— Понятно.

Разговор угас, не успев толком и начаться.

— И давай на ты, — предлагает мужчина спустя пару минут.

— Хорошо. На ты.

Тот факт, что Роман носит отличную фамилию от той, что была указана в дарственной, не дает полностью расслабиться. Ведь он не представляет для меня угрозы, что же я так нервничаю? Мы едем в нужном направлении. Он не предпринимал попыток заговорить со мной или как-то грубо пошутить.

— Чем занимаешься?

Роман сидит, чуть повернувшись ко мне, одной рукой держит руль, вторая расслабленно лежит на подлокотнике. Движения точные, без спешки, словно каждый поворот давно выучен наизусть. Его спокойствие странно притягательное.

— Бухгалтер, — отвечаю я коротко, не став акцентировать внимание, что готова браться за любую работу и не отказываю, если ко мне обращаются за помощью. Да, ради

неподъемных сумм реабилитации и выплаты пострадавшим в аварии я значительно снизила ценник своих услуг.

— М-м-м, серьезная работа.

— Да. Иногда цифры снятся. Или что я разговариваю с налоговой. Но это уже кошмары, — смеюсь я грустно, вспоминая женщин в форме, высасывающих последнюю радость одним лишь видом.

— Ужасно, — искренне усмехается мужчина. — За всю жизнь так и не привык к госструктурам. Всегда хочу найти того взрослого, который будет ходить вместо меня.

— Да, — соглашаюсь я, поймав себя на том, что улыбаюсь. Как давно я испытывала комфорт рядом с женщиной?..

Я стараюсь не смотреть, но все равно ловлю себя на том, что взгляд снова и снова возвращается к нему: к сильной линии шеи, к резкому профилю, к легкой щетине.

Он ощущает мой взгляд. Я вижу, как едва заметно напрягается челюсть, как уголок губ чуть поднимается.

Машину снова слегка качает, и я невольно касаюсь стекла ладонью. Прохлада мгновенно возвращает к реальности, но ненадолго. На перекрестке Роман поворачивает ко мне и, не скрывая своего интереса, изучает. Кажется, я ошиблась в том, что несколько минут назад посчитала мужчину и поездку безобидными.

От тяжелого взгляда по спине пробегает ток.

Где-то в груди, там, где обычно обитает здравый смысл, зарождается глупое, опасное желание дотронуться до креп-

кой руки. Проверить, такая ли она, как моя фантазия успела нарисовать. Действительно ли пальцы теплые, а ладони чуть шершавые от физического труда.

— Нам надо ехать, — выпаливаю я, вздрогнув от автомобильного сигнала. — Мы задерживаем всех, — невольно оборачиваюсь посмотреть, кто так отчаянно давит на клаксон.

— Да, ты права, — кажется, Роману стоит больших усилий, чтобы оторвать взгляд и переключиться на дорогу.

Машина плавно трогается, и я задаю вопрос, решив направить наш разговор в безопасное русло:

— А ты кем работаешь? Занимаешься машинами?

— Это скорее хобби.

— М-м-м. А чем зарабатываешь на жизнь? Ой, извини, не нужно отвечать.

— Да ничего страшного. У нас семейное дело. Фермы.

— Да, я видела, как здорово развилась деревня. И что выращиваете?

— Да все. Животных, зерновые. А?..

Я не даю мужчине задать свой вопрос, перебиваю, невольно устроив допрос с пристрастием:

— И каких животных выращиваете?

— Крупный рогатый скот, овцы, свиньи.

— А куры? Кур вы выращиваете?

— И куры, — отвечает он хмуро, явно не понимая моего усердия.

— И яйца, наверное, свои? — после этих слов я густо краснею. Почему? Мне не тринадцать лет. Но лицо просто пылает.

— И свои, и куриные, — отвечает со смешком и тут же извиняется: — Прости, я не мог не отреагировать. В свое оправдание могу сказать, что я самая безобидная версия из Ковалей в семье. Старший брат, — он сокрушенно качает головой. — К нему нужно привыкнуть. И иметь необъятное чувство юмора. Особенно тупого.

Роман так искренне оправдывается, что я и не думаю обижаться, но все же замолкаю.

— Тебя ждет кто-то дома? — спрашивает мужчина, когда мы въезжаем в город.

— У меня нет домашних животных, — отвечаю я.

— Я не совсем об этом спрашиваю.

Я делаю вид, что не понимаю вопрос, улыбаюсь и произношу:

— Я могу выйти на перекрестке. Там рядом остановка, от нее ходит мой автобус.

Он слышит меня, но игнорирует просьбу остановить.

— Дядя Паша просил довезти до дома.

— Это необязательно.

— Я человек слова.

Глава 7. Даша

Роман плавно сворачивает с главной дороги и останавливается у тротуара, именно там, где я ему показываю.

— Вот здесь, — говорю, сжимая сумочку в руках. — У этого дома, пожалуйста. Спасибо, что подвез.

Он глушит двигатель, но не спешит прощаться.

Я уже тянусь к ремню безопасности, когда Рома тихо произносит:

— Подожди.

Я поворачиваюсь.

В дневном свете его глаза кажутся светлее: янтарные, с рыжими искрами, и от этого почти звериного взгляда хочется спрятаться.

— Даш, дай номер, — говорит он, спокойно, разблокировав свой телефон. — Я же куплю тебе проводку. Нужна связь, чтобы договориться о ремонте.

Он говорит обыденно, без намека на флирт, но что-то в интонации цепляет. Может, из-за того, как звучит мое имя в его устах, как будто он уже произносил его про себя десятки раз.

— Да, конечно, — выдыхаю я, доставая телефон. — Сейчас.

Пальцы немного дрожат, но я все-таки диктую цифры.

Роман набирает мне, и через секунду телефон оживает в

ладони.

— Теперь у тебя тоже есть мой, — говорит он коротко. — Коваль Роман, — ждет, когда я сохраню контакт.

— Спасибо, — отвечаю я. — И за дорогу, и за помощь.

— Не за что, — отвечает он.

Его взгляд задерживается на мне дольше, чем нужно, и я чувствую, как щеки медленно наливаются жаром.

— Спасибо, — повторяю смущенно и спешно открываю дверь, чтобы выбраться наружу.

Солнце бьет в глаза, воздух теплый, и пахнет асфальтом после дождя.

— Дарья, — выкрикивают из открытого окна.

Я оборачиваюсь.

— Как все куплю, отзвонюсь, — говорит он, чуть прищурившись от солнца. — До встречи.

Я киваю.

Он закрывает окно и уезжает.

Я тороплюсь, бегу к соседнему дому, вхожу в подъезд. На лестничной площадке пахнет пылью и вареным кофе. Я достаю ключи, и именно в этот момент за дверью слышу приглушенные голоса.

Замираю.

Может, мне показалось? Соседи? Или телевизор?

Женский. Мужской.

Ворчу себе под нос, лихорадочно перебирая связку. Ключи будто нарочно путаются, падают, скользят из пальцев.

Наконец нахожу нужный, вставляю в замок, поворачиваю. Щелчок.

Я открываю дверь.

В коридоре пахнет чужим шампунем или гелем для душа. Тем, которого у нас дома никогда не было. Очень сладким. Есть ощущение, что совсем недавно кто-то принимал ванну.

Я не заостряю внимание. Сбрасываю обувь, сумку, бегу к столу. Ноутбук стоит на том же месте, где я его и оставила.

Пальцы машинально включают устройство, открывают почту, находят нужные файлы, переслать все, что просили. Сердце почему-то стучит так, словно я пробежала стометровку на пределе. Когда последний файл загружается, я резко выпрямляюсь и прикладываю ладонь к груди.

Готово.

Я сделала.

Тут же звоню Игорю Николаевичу.

— Добрый день. Все отправила. Проверяйте, там папка с расчетами и отчет за квартал.

— Дарья, — голос начальника звучит мягче, чем утром, — вижу. Все на месте. Спасибо, выручили. Отдыхайте уже наконец.

Я киваю, хотя он не видит.

— Да, конечно. Спасибо.

Звонок обрывается. Я закрываю ноутбук, выдыхаю, прижимаю ладони к лицу.

— Леш, я дома, — сообщаю и иду в комнату мужа. —

Как ты? Тебе что-то нужно? — спрашиваю, открывая дверь и заставляя его за столом.

— Ты почему вернулась? — летит мне претензией.

Я подхожу к мужу, провожу по его волосам. Стараюсь проявить ласку и заботу, игнорируя недовольный тон.

— Срочно потребовались документы, а ты не брал трубку. Тебя покормить?

Он смотрит на меня с пренебрежением и злостью, дергает головой.

— Не смей жалеть меня. Это последнее, что мне от тебя нужно.

— Леш, — умоляю я и вновь провожу по волосам. — Ты мыл голову? Сам? — удивилась я, протягивая между пальцами мокрые пряди.

— Не трогай, — он кривится, отмахивается. — Ты прекрасно знаешь, что я сам не смогу. К чему эти насмешки? Мне помогла Полина.

— А? Да? Она пришла? Как хорошо, что ты не остался один, — говорю я, разбирая раскиданные вещи. Что-то вешаю в шкаф, что-то бросаю к выходу, после отнесу в стирку. Ровняя книги на столе, нарываюсь на недовольное:

— Не трогай. Эти книги мне нужны.

— Извини, — отвечаю и переключаюсь на постель. Расправляю скомканную простыню. — Давай поменяю. Влажная. И пахнет уже... — к мужскому знакомому запаху примешивается сладкий, похожий на тот, что я почувствовала,

войдя в квартиру. Я снимаю наволочку, за ней простыню, которой Леша укрывается. — Ты так сильно потеешь. Нужно сказать врачу. Это ненормально. Наверное, какие-то лекарства дают побочку, — рассуждаю я и в ответ получаю гневное:

— Кто тебя привез?!

— Что? — я поворачиваюсь к мужу, на автомате комкаю ткань и отбрасываю в сторону.

— Кто тебя привез?

— Сосед дедушки.

— И кто там ездит на дорогом внедорожнике?

— Человек. Обыкновенный человек.

— Обыкновенный человек не может себе позволить подобный агрегат, — Леша злится. — Ты об этом не думала?

— Нет, — я отрицательно кручу головой. — Ты же знаешь, я не разбираюсь в марках машин.

— Ну да, — хмыкает он. — Скажи Полине, что я хочу есть. А ты можешь заниматься своей жизнью. Мне поможет посторонний человек.

— Который получает за это деньги, — напоминаю я. — Ну хватит, — прошу. — Я действительно застряла у деда. И у него большие проблемы, кажется, он связался с мошенниками, — тут я вспоминаю о доверенности, достаю ее из бюстгальтера, пытаюсь показать мужу. — Дед кому-то отписал участок и дом. Смотри.

— Мне плевать. Да и какая разница, что мне от этого?

Ему осталось-то два понедельника.

— Леш, ты слышишь, что говоришь? — я отшатываюсь.

— Правду? — он утыкается в монитор компьютера, бездумно щелкает по вкладкам. — От этого дома все равно будут одни проблемы. На что собираешься платить налоги?

— Дед еще жив.

— Кому ты его продашь там? — продолжает. — Ну, хотя... богатому соседу.

— Не хочу с тобой разговаривать, — выпаливаю я с нервной улыбкой, скрывающей подкатывающие к горлу рыдания, подхватываю грязное белье и ухожу.

— Ты улыбаешься, словно у тебя есть на это право, — кричит муж в спину.

Я иду на кухню, стараясь дышать ровно, чтобы не расплакаться. Хочется налить воды, опереться на раковину и хоть на минуту перестать чувствовать.

Но у окна я замечаю Полину.

Ее тонкая спина слегка напряжена, руки заняты: она перекладывает тарелки в сушилке, словно делает это только для того, чтобы не смотреть на меня.

— Здравствуйте, — говорю я первой, стараясь придать голосу мягкости.

Полина оборачивается.

— Ой, Дарья... Вы уже вернулись, — она улыбается, но улыбка выходит натянутой. — Я... я как раз собиралась уходить.

— Не нужно спешить, — отвечаю, чувствуя, как слова застревают комом в горле. — И... простите, что вы стали свидетелем этой сцены. Леша... бывает резким.

— Ничего, — отмахивается она быстро. — Я понимаю. Больные люди часто капризничают. Это нормально.

Она говорит с участием, но голос немного дрожит.

Старается выглядеть уверенно, но пальцы теребят край мокрого полотенца.

Я провожу взглядом по женщине.

Полина без привычного белого халата, в тонкой кофте, прилипшей к спине, словно она случайно попала под воду. Ткань темная от влаги, и я замечаю, что под ней ничего нет. Ни бюстгалтера, ни майки.

Я стараюсь не выдать удивления. Поворачиваюсь к шкафу, достаю стакан, делаю вид, что ищу что-то на полке.

— Вы, наверное, устали, — говорит Полина, развешивая влажное полотенце и хочет уйти поскорее. — Я завтра утром заеду, если нужна будет помощь.

— А вы могли бы задержаться еще на пару минут? — выдыхаю я, не оборачиваясь. — Помогите Леше пообедать, мне нужно съездить к бабушке в больницу. У нас семейные проблемы.

Мои пояснения выглядят как оправдания. Привычные для меня оправдания...

Полина произносит что-то неопределенное в знак согласия, подходит к холодильнику. И мы стоим в метре друг

от друга. Кухня не такая большая, чтобы не почувствовать сладкий запах геля для душа.

Мой дом больше не пахнет домом. «Он пахнет чужим телом и чужим ароматом», — проносится в голове. Но я тут же гоню дурацкие мысли прочь. Леша прикован к инвалидному креслу. Нет ничего странного в том, что кофта Полины влажная местами, она ведь помогала вымыть моему супругу голову.

Я искоса поглядываю на Полину, пытаюсь понять что-то по ее движениям. В том, как она достает из холодильника контейнер, ставит его на стол, как, не глядя, открывает крышку. Все выглядит привычно. Не как у человека, который просто помогает по дому.

Я заставляю себя не думать об этом. И мыслить логически. Полина почти год помогает нам.

И то, что я нафантазировала, глупость. Полнейшая глупость.

Леша не способен на измену, физически не способен. Да и Полина... она ведь видела нас вместе, знает нашу ситуацию. Да и зачем ей это? Зачем недееспособный человек с кучей проблем?

Я наблюдаю, как она наливает суп в миску, аккуратно кладет ложку сбоку, достает хлеб. По кухне женщина двигается с точностью хозяйки.

— Осторожно, он горячий, — предупреждает она.

Я киваю, не отвечая, и делаю вид, что ищу что-то в теле-

фоне. Он спасительно вибрирует в руке.

— Мам, — выдыхаю с облегчением. — Алло?

— Дашенька, ты добралась? — голос матери звучит устало. — Я волновалась, ты вчера так и не ответила.

— Да, мам, все хорошо. Дома, — стараюсь говорить спокойно. — С машиной почти разобрались, сосед помог.

— Слава богу, — мать облегченно выдыхает. — Я у деда сейчас, он спрашивает про тебя. Скажу, что ты приедешь? Он очень ждет.

Я бросаю взгляд на Полину. Та словно не слышит и не слушает наш разговор, но все же чуть расслабляется, когда я произношу:

— Да, скажи. Я приеду. Скоро.

— Он все время говорит, что ему нужно тебе кое-что объяснить, — уточняет мать.

— Да, сейчас переоденусь и вызову такси.

Мама благодарит, просит беречь себя, и мы прощаемся.

Полина ставит тарелку с супом на поднос и, не глядя на меня, произносит:

— Я помогу Алексею пообедать, не переживайте.

Глава 8. Даша

В отделении встречает молодая медсестра с туго стянутыми на затылке волосами. Я объясняю, к кому пришла, и жду, пока она уточнит номер палаты.

— Виктор Сергеевич? — спрашивает, не поднимая глаз от монитора.

— Да, мой дедушка.

— Его сегодня перевели в общую палату, вторая справа по коридору.

Когда только привезли дедушку на скорой, нас встретила женщина постарше. Спокойная, понимающая. Она все объяснила, успокоила, насколько это было возможно, помогла встретиться с врачом.

— Спасибо, — киваю я и иду в указанном направлении, а в голове все еще роятся мысли о доме.

Полина.

Ее мокрая кофта, запах шампуня, взгляд, избегавший моего.

Леша, злой и обиженный, с вечной смесью жалости к себе и раздражения на весь мир.

Неужели я действительно способна думать про измену? Это же безумие.

Он прикован к креслу.

И все же картинка не уходит: влажные волосы, влажная

ткань на спине Полины, чужой запах в постели мужа.

Я тихо вздыхаю, сжимаю лямку сумки. Останавливаюсь у нужной двери, стучу и осторожно приоткрываю.

Палата небольшая. Мама в этот момент поправляет подушку под головой деда. Он лежит спокойно, глаза закрыты, дыхание ровное.

— Мам, — зову я тихо.

Мама оборачивается. Дарит усталую улыбку.

— Дашенька... — она подходит, обнимает. — Как хорошо, что ты приехала. А нас вот перевели.

— Как он? — спрашиваю, чувствуя, что хоть немного уходит напряжение.

— Лучше, — отвечает мама. — Давление нормализовалось. Врачи говорят, можно будет скоро выписать, если все пойдет так же.

Я киваю и подхожу к кровати.

Дедушка открывает глаза, замечает меня и слабо улыбается.

— Вот и ты, — говорит тихо.

— Прости, что так долго, — шепчу, беря его за руку. — Сумасшедший день. Несколько сумасшедших дней, — говорю, не конкретизируя. Деду не нужны новые волнения.

Он слегка сжимает мои пальцы, не спрашивает, что именно со мной произошло.

Мама отходит к тумбочке, наливает воду в стакан, делает вид, что занята, и тайком стирает слезы.

— Ты устала, — говорит дед. — Сразу видно.

— Немного, — признаюсь.

— От людей устаешь, не от дел, — вздыхает он. — Береги себя, Дашенька. И не всем верь.

Внутри все моментально покрывается коркой.

— В смысле? — спрашиваю осторожно.

Но дед уже закрывает глаза.

— Потом, — шепчет. — Потом все объясню.

Мама укрывает его потеплее, кивает мне, мол, не трогай сейчас.

Я взглядом показываю на дверь, прошу маму выйти со мной.

Когда мы оказываемся в коридоре, я беру маму за локоть и отвожу в сторону.

— У нас проблемы, — говорю тихо. — Деда совершил глупость.

— Я догадывалась, — отвечает почти шепотом, поглядывая на закрытую дверь. — Он последние дни был какой-то не свой. Все повторял, что нужно поговорить с Дашей, передать ей бумаги. Почему я не придавала этому значения? — она смотрит перед собой, хмурится, вспоминая все больше и больше подробностей.

— Я думаю, дед все понял. Сразу после того, как подписал. Я уже видела документы. Дарственная оформлена на человека по фамилии Суздалев.

— Да, ты говорила мне по телефону... — шепчет она. —

Но я не думала, что все так официально. С печатью.

Я достаю из сумки сложенный лист и кладу ей в руки.

— Вот. Посмотри сама.

Мама долго держит бумагу, не сразу решаясь развернуть. Когда наконец читает, губы подрагивают.

— Господи... — она садится на скамейку у стены. — Все оформлено. Полностью. И участок, и дом. Этот... Суздалев Роман Андреевич. Кто он вообще?

— Не знаю, — я присаживаюсь рядом. — Но дед доверял ему. Может, они когда-то работали вместе или это кто-то из жителей деревни, а может, его просто обманули.

Мама молчит, потом устало прикрывает глаза.

— Вот почему у него случился приступ. Он понял, что потерял дом. Это же вся его жизнь, Даша. Он строил его своими руками. И хотел, чтобы ты в нем жила после его смерти.

— Мам, давай не будем о смерти и попробуем что-то сделать. Проверим нотариуса, посмотрим дату. Если он был не в состоянии подписывать...

Она судорожно выдыхает, сжимает листок так, что на бумаге проступают следы от пальцев.

— Все из-за этого. Я теперь понимаю, почему у него сердце не выдержало.

Я кладу руку ей на плечо.

— Мам, не говори с ним пока, ладно? Пока не стоит. Он и так едва держится. Я обсужу с нашими юристами. Попрошу помочь или подсказать контакты.

Мама кивает.

— Конечно. Ни слова.

Я собиралась еще что-то сказать маме, когда взгляд невольно зацепился за силуэт в конце коридора. Спортивный высокий мужчина. Его невозможно не заметить. Потом я узнала походку. И дыхание перехватило.

Роман.

Он идет прямо к нам, в руках прозрачный пакет с фруктами. Кажется, больничный коридор сам расступается, освобождая ему дорогу.

Я не успеваю ничего сказать, он уже замечает меня. И улыбается.

— Даша, — произносит он спокойно, как будто мы расстались всего несколько минут назад.

Мама оборачивается, замечает его и сразу напрягается.

— Роман, — я произношу приветствием.

— Решил навестить Виктора Сергеевича, — говорит он, чуть приподнимая пакет. — Хотел передать фрукты. Узнать, как дела.

Мама недовольно хмурится.

— А вы?... — спрашивает осторожно.

— Сосед. Из Лозовиц, — отвечает он, не отводя взгляда от меня. — Сегодня помог Дарье добраться до города. Машина застряла после дождя.

Я киваю, чувствуя, как к щекам приливает кровь.

— Он действительно выручил.

— Отец сейчас спит, — говорит она чуть натянуто. — Но, если хотите, оставьте пакет, я передам.

Роман делает шаг ближе, ставит фрукты на соседнее сиденье.

— Конечно. Только хотел убедиться, что с ним все в порядке. Ребята со скорой не давали никаких прогнозов.

Мама удивленно поднимает брови.

— Вы были с отцом, когда ему стало плохо?

Роман кивает.

— Совершенно случайно, — говорит он спокойно, без показного драматизма. — Я был неподалеку, заехал к знакомому, увидел, что Виктор Сергеевич сидит на скамейке у ворот. Сначала подумал, просто отдыхает, а потом заметил: рукой держится за грудь. Подбежал, вызвал скорую.

Мама прижимает ладони к губам.

— Господи... — выдыхает. — Так это вы... Вы его спасли.

— Да ну, — отмахивается он мягко. — Я просто оказался рядом. Все остальное сделали врачи.

Я вижу, как Роман слегка смущается под ее благодарным взглядом.

— Спасибо, — говорю я тихо.

Он ловит мой взгляд.

— Любой бы поступил так же, — отвечает. — Виктор Сергеевич — сильный человек. Он и тогда держался... даже пытался отмахнуться, мол, не суесться.

Мама невольно улыбается.

— Похоже на него, — шепчет она.

— Все будет хорошо, — Роман произносит дежурную фразу, в которую хочется верить. — Я не буду мешать. Передайте ему, что я заходил. И пусть не переживает из-за дома, — добавляет вдруг, глядя прямо на меня. — Все можно решить, если не сдаваться.

Я не сразу понимаю, о чем говорит мужчина, только когда мама дергает за руку и взглядом указывает на широкую спину, меня словно ошпаривает кипятком.

— Он что-то знает, — шепчет мама и подталкивает меня, чтобы я догнала Романа. — Надо спросить.

Я подвисяю на секунду, мозг за это время обрабатывает информацию.

— Роман, — зову я, подскакиваю со скамьи и бегу за ним. — Роман, — набираю скорость и, когда мужчина оборачивается на мой голос, буквально влетаю в его объятия.

— Дар-р-рья, — рокошет он. — Нужно быть осторожней, — все слова у него выходят с легкой хрипотцой, большей похожей на рычание.

— Не до осторожности сейчас, — отвечаю я, вцепившись в крепкие запястья. — Ты сказал, что не нужно переживать из-за дома. И что можно все решить. Что можно решить? — спрашиваю я, вглядываясь в светлые глаза. Жду ответа и ловлю себя на том, что не могу понять, какого они цвета. Медовые? Зеленые? Серые? Янтарные? Кажется, что они меняют цвет каждую секунду.

— Я сказал, что любую проблему можно решить, — повторяет он.

— Например? — не сдаюсь я, чувствуя себя аналогом детектора лжи. Только, в отличие от данных датчика, мне приходится полагаться на интуицию.

— Например, мошенническая деятельность. Виктор Сергеевич успел подписать документы? — спрашивает прямо, и я киваю в ответ, словно загипнотизированная. Да я готова рассказать все, что бы он ни спросил. — Тогда я не успел.

— Что ты не успел?

— Даш, — голос мамы врывается в наш неловкий разговор загадками, я отшатываюсь от мужчины, пряча руки за спину и неловко улыбаясь.

Роман бросает хмурый взгляд на маму, а потом произносит так, чтобы слышала только я:

— Если хочешь поговорить, то я буду ждать на улице. Не думаю, что стоит волновать твою маму. Не хватало, чтобы и ее подвело здоровье.

Крупница правды есть в его словах. Мама действительно выглядит уставшей. Она волнуется за деда, за меня, и тут еще новая беда.

— Я буду через пять минут.

Я возвращаюсь к маме, говорю ей что-то невнятное. Прошу обнять от меня деда и сказать, что я обязательно завтра к нему приеду, забираю сумочку и спешу за мужчиной.

Роман ждет у выхода, облокотившись плечом на стену.

Когда я подхожу, он выпрямляется, кивает на дверь:

— Пойдем на улицу.

Мы выходим во двор. Воздух все еще пахнет сыростью после недавнего дождя. У лавочки под ветвями каштана Роман останавливается и смотрит на меня сверху вниз.

— Я не хотел говорить при твоей матери, — начинает он тихо. — Это не то, что нужно обсуждать в больнице.

— Так скажи сейчас, — отвечаю я. — Как можно все исправить?

— Суздалев, — произносит наконец. — Имя тебе знакомо, верно?

Я киваю.

— Он указан в дарственной. Но кто он?

— Нечистый на руку риелтор, — спокойно отвечает Роман. — Занимается скупкой земли. У нас в городе таких много. Под видом «дружеской помощи» оформляют документы на себя. Иногда дают, иногда пугают, иногда просто ловят момент, когда человек болен или дезориентирован.

Меня бросает в холод.

— Ты хочешь сказать, что дед... ему угрожали? — я медленно присаживаюсь на скамью, ища опоры.

Роман смотрит на меня с сочувствием, садится рядом.

— Суздалев приезжал пару раз в Лозовцы, говорил с моими родителями. Но те сразу жестко отказали. И, видимо, он решил найти себе другую, более сговорчивую жертву. Я хотел убедить Виктора Сергеевича не спешить, но... не успел.

Поверь, он не первый.

— И не последний, — хмыкаю я. — Найдется кто-то еще доверчивый или одинокий.

Роман виновато улыбается, касается моего плеча в странном жесте поддержки.

— Бумаги можно оспорить, особенно если есть основания считать, что человека обманули.

— Сомневаюсь, что у нас хватит связей и денег для этого, — отвечаю я, понутив плечи. — Что же его заставило переписать дом?

— Не знаю. Часто старики боятся того, что родственники их выгонят, когда они станут недееспособными.

— Мы бы никогда так не сделали! — заверила я горячо. — Это глупость, дед бы в такое не поверил!

— Значит, был другой довод.

Некоторое время мы сидим молча. Я сжимаю пальцы на коленях, глядя в одну точку перед собой. Не знаю, о чем думает Роман и почему вообще продолжает тратить на меня время, в моей голове настоящий хаос.

— Это решаемая проблема, — произносит он негромко, глядя вперед. — Поверь. Сейчас тебе лучше немного отдохнуть.

— Незнакомое слово “отдых”, — хмыкаю я горько. — У деда приступ, мама на грани, а я понятия не имею, с чего начать.

— Таких, как Суздалев, можно прижать.

Я поворачиваюсь к нему.

— Мне его точно не прижать, — произношу обреченно. — У тебя нет случайно кого-то, кто может помочь? Юриста, знакомого, кто разбирается в этих бумагах? Я не знаю, куда идти... Наверное, нужно написать заявление? А как это сделать, пока дед в больнице? Интересно, а примут заявление, если в полицию обратится мама? Господи, — произношу на выдохе и поднимаю глаза к зеленой листве, борясь со слезами.

— Есть у меня один... человек. Он работает с делами... о недвижимости. Думаю, поможет.

— Спасибо, — выдыхаю я.

Роман встает, протягивает руку.

— Пойдем, — говорит просто. — Подвезу домой. По дороге обсудим детали, решим, что делать дальше.

Я колеблюсь.

— Неудобно... — начинаю сомневаться в правильности всего, что я сейчас сделала. По факту я доверилась малознакомому человеку.

— Дарья, — перебивает он мягко. — Это не просьба. Это предложение. И, к слову, безопаснее ехать вместе, чем одной перемещаться по городу с документами в сумке.

Я смотрю на него, вновь пытаюсь прочесть что-то по лицу.

— Тебе можно доверять? — спрашиваю прямо.

Он улыбается, смотрит на меня, как на несмышленного ребенка.

— Мне можно. А тебе?

Я улыбаюсь в ответ, представляя свои нелепые попытки врать кому-то и неуклюжую ложь.

— На сто процентов.

— Ну раз мы можем доверять друг другу, тогда едем, — говорит Роман и встает со скамьи. — Не будем терять время. Мне еще нужно забрать проводку. Сделал заказ, обещали подвезти в магазин к трем.

Я застываю, глядя на мужчину. Его спокойствие выбивает из колеи. Я так привыкла находиться все время в напряжении, что не могу представить, как жить по-другому. Последние годы я все время спешу, планирую каждые пятнадцать минут своего времени, чувствуя при этом, что ничего не успеваю. И от этого тревожность только усиливается.

— Едем, — соглашаюсь я и иду за мужчиной.

Мы подходим к автомобилю, Роман открывает мне пассажирскую дверь и ждет, пока я довольно неуклюже заберусь внутрь. Когда я сажусь, мужчина наклоняется. Сначала я думаю, что он собирается что-то сказать, но он тянется к ремню безопасности. Ткань скользит по его пальцам, щелкает замок, и его плечо едва не касается моего.

— Спасибо, но не стоило, — лепечу сдавленным голосом.

— В нашей семье принято заботиться о своей... о женщине, о слабом, — его теплое, с едва уловимым запахом кофе дыхание у самой щеки. — Вот так, — шепчет он, отпускает ремень, отступает, но движется медленно, словно растягивая

этот неловкий момент.

Я смотрю вперед, боясь повернуться и выдать смущение. Как же давно я не ощущала густого смущения и жара при чем-то мимолетном прикосновении. Кожу покалывают маленькие-маленькие иголочки и жаркой волной сливаются внизу живота.

Роман садится за руль, заводит двигатель, и в салоне становится тесно. Возможно, бессонная ночь и тяжелый день сказываются на моем состоянии. Я сама себе напоминаю натянутую струну, которую едва тронь — и последствия будут непредсказуемыми. Фантазия рисует совершенно неуместные картинки, в которых я рядом с Романом. В которых я — его женщина, о которой он хочет заботиться. Через несколько минут фантазию убивает реальность. Даже откинув абсурдность представленного и тот факт, что я замужем, конец конфетно-букетного периода мне известен. Пресыщение, безразличие, а после и пренебрежение. Нужно прекратить витать в облаках. Если один перестает создавать счастье, другой, даже приложив усилий вдвойне, никогда не спасет отношения.

Любить должны двое!

— Дарья, — произносит Роман, не отрывая взгляда от дороги. — Не волнуйся. С делами Суздалева я разберусь.

— Разберешься? — переспрашиваю осторожно. — А ты тут при чем?

— При том, что не люблю, когда обманывают тех, кто не

может защитить себя, — отвечает он буднично, словно говорит о погоде. — И при том, что я уже сталкивался с ним. Он несколько лет пытается выкупить наши земли. Отказы не понимает. Очень настырный человек. С моей семьей он пытался действовать не только легально и в рамках закона. Получил отпор. Я подозреваю, что пострадавших в старых Лозовицах будет больше одного.

— Не понимаю, зачем ему старые домики?

— Дело не домах, а в месте, где они находятся. Живописное. Чистое. Шикарное озеро. Лес. Не так далеко река, — он перечисляет плюсы. — Прекрасное место для дорогого коттеджного поселка.

— Я не думала с этой позиции, — отвечаю честно. — Разве не далеко от города?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Романа, но он по-прежнему смотрит прямо перед собой.

— По трассе не больше часа. Не так долго по городским меркам, иногда в пробке можно провести... — он хмурит лицо и покачивает головой.

— Ты ведь не юрист, — уточняю я.

— Нет. Но знаю, как работают такие люди и как с ними разговаривать. Куда тебя отвезти? — спрашивает он.

— Домой, — говорю я после короткой паузы, раздумывая над словами. — Нужно будет поспрашивать у соседей. Вдруг еще кто-то попался на удочку этого мошенника.

— Согласен. Нужно понять, кто еще мог с ним столкнись-

ся. Начнем с соседей твоего дедушки.

Мы обсуждаем возможность следующей встречи. За это время я буквально выпытываю стоимость деталей, что Роман заказал для моей машины.

— А сколько будет стоить работа? — интересуюсь, отмечая, что внедорожник плавно сворачивает во двор.

— Нисколько. Там работы на пятнадцать минут.

Роман глушит двигатель.

— Я все равно переведу тебе деньги, — быстро произношу, чувствуя, что голос перестает слушаться. — Карточка привязана к номеру? Неудобно, ты и так потратил время, помог, а теперь еще...

Мужчина поворачивается ко мне, и от этого взгляда внутри все сжимается. Он не просто смотрит — он словно пытается добраться до самого сердца.

— Как хочешь, — сдается он.

Я отвожу глаза, стараясь открыть дверцу, царапаю ногтями кожаную обивку, не сразу поймав ручку.

— Хочу.

Он усмехается.

— Будет сложно, — бубнит под нос, активно растирая шею ладонью.

— С ремонтом?

Мой вопрос веселит его еще больше.

— С ремонтом, — повторяет за мной.

— Тогда тем боле...

— Все-все, хватит, — взмахивает ладонью, останавливая меня. — Ремонт простой. Карта привязана к номеру телефона, — добавляет так, словно он устал спорить.

— До встречи, — произношу я, дергаясь на сиденье и тут же понимая, что не отстегнула ремень. Как же я спешила покинуть тесный салон автомобиля...

Роман слегка наклоняется вперед, опирается рукой о руль. Мышцы на предплечье под тканью рубашки напрягаются, нажимает кнопку, ремень скользит по моему плечу.

— Ты торопишься, — говорит, глядя на мои губы.

— Да, мне... мне нужно идти, — бормочу. — Спасибо еще раз.

Роман кивает, кладет руки на руль, крепко сжимает до побелевших суставов.

— Позвоню завтра, — говорит он. — Когда все будет готово.

Я толкаю дверь и почти выпрыгиваю наружу. Бегу от себя. От тех мыслей, что позволяю. Бегу в свой мир ответственности и безразличия.

Глава 9. Даша

Я сбегаяю и даже не скрываю этого. Хочется укрыться от фантазий, от взгляда Романа, даже от желания в собственной голове переступить мораль.

Я захожу в квартиру. Дверь Лешиной комнаты прикрыта. Так даже лучше, не хочу вновь ссориться. Я разуваюсь, ставлю сумку у тумбы и, не включая свет, прохожу в ванную.

Там по-прежнему остается сладковатый запах чужого геля для душа. Флаконы стоят иначе, чем я оставляла: мой шампунь сдвинут вглубь, чужая баночка ближе к краю. Полотенце на крючке влажное, словно его только что мяли в руках. Я задерживаю ладонь на ткани и тут же отдергиваю.

Снимаю одежду как броню, слой за слоем. Открываю воду на полную. Струи бьют по плечам и затылку, горячий пар заполняет легкие, и на несколько минут становится легче. Я мою волосы своим шампунем. Травяной аромат глушит сладость чужого. Пена стекает по ключицам, спине, животу. Жаль, что вода не смывает напряжение, что сидит глубоко, внизу живота. Тугой комок, который не растворить.

Я закрываю горячую воду и подставляю лицо под прохладную струйку. После заворачиваюсь в чистое полотенце и со злостью сдергиваю влажное с крючка. С размаха закидываю его в барабан стиральной машинки, желая как можно быстрее избавиться от приторной вони. Присаживаюсь и начи-

наю забрасывать грязное белье из корзины. Делаю это машинально и не сразу замечаю, что рядом с ногой что-то упало.

— Я же просила не складывать ничего в карманы, — ворчу я, наступив на что-то мягкое, и инстинктивно отдергиваю ногу.

Наклоняюсь, всматриваюсь и на секунду не понимаю, что именно вижу. Что-то прозрачное, с белесыми разводами, свернувшееся, блестит под светом лампы. Какая-то упаковка? Кусок целлофана?

Но когда смысл наконец прорывается сквозь пелену усталости, меня будто обдаёт кипятком. Воздуха не хватает. В груди что-то хрустит, ломается.

Я отступаю на шаг, прижимаюсь бедрами к стиральной машинке, чувствуя, как к вискам приливает кровь. Голова кружится. Нет, не может быть. Леша не мог.

Все тело сжимается в омерзении не только к мужу, но к себе тоже. К этой квартире, к чужим запахам, к глупой надежде, что, может, я ошибаюсь.

Я не ошибаюсь.

Сейчас я смотрю на использованный презерватив, что впопыхах любовники сунули в корзину с грязным бельем.

Что-то в комнате тихо щелкает, и этот звук бьет по нервам.

Хочется закричать, швырять все вокруг, смыть с себя каждый след, каждую ложь. Но я стою неподвижно. Только пальцы на полотенце судорожно сжимаются.

Теперь все окончательно ясно.

Некоторое время я стою в ванной. В голове шум, в груди пульсирует гулкая боль. Потом приходит злость. Горячая и отрезвляющая.

Я беру маленькое полотенце, заворачиваю находку внутрь, туго, чтобы не видеть и не прикоснуться случайно. И иду к Леше. Шаги отзываются в теле болью.

Дверь в его комнату приоткрыта. Он сидит у стола в привычной позе: ноутбук, чашка, скушающий взгляд. Обыденность сцены только усиливает отвращение.

Я подхожу и бросаю сверток на стол. Полотенце падает прямо перед ним, чуть задевая клавиатуру.

— Научитесь убирать за собой, — произношу спокойно.

Леша поднимает глаза. Молчит пару секунд, не понимая. Потом медленно разворачивает полотенце и, когда до него доходит, резко закрывает.

— Ты с ума сошла? — выдыхает он. — Что это вообще?

— Не притворяйся, — перебиваю. Голос все еще тихий, но внутри буря. — Нашла в корзине с грязным бельем. Полина, кажется, перепутала ее с ведром для мусора.

Он морщится, отводит взгляд.

— Дарья, ты... ты что несешь? Это... бред какой-то.

— Да? — я делаю шаг. — Тогда объясни. Объясни, почему в нашей ванной чужие вещи, почему пахнет не моим гелем и почему твоя сиделка ходит без белья?

Леша откидывается на спинку кресла, словно его ударили.

— Господи, да она просто помогала мне, — говорит, срываясь. — Помыться, убрать, что ты выдумываешь?

Я усмехаюсь, хотя внутри все горит.

— Помыться? Ты хотя бы сам слышишь, что говоришь? Я похожа на дуру?

Леша смотрит на меня снизу вверх, глаза темнеют.

Все его лицо меняется. Сначала он выглядит растерянным, потом губы сжимаются в тонкую линию, и во взгляде появляется злость.

— Да, ты похожа, — бросает он, едва шевеля губами. — На дуру, которая опять ищет повод обвинить. Все тебе мало, да? Мало, что я в кресле?

— Мало? — я не верю, что он это говорит. — Ты серьезно?

Он резко подается вперед, хватаясь за подлокотники, и я вижу, как побелели костяшки пальцев.

— А кто тогда? Кто довел меня до этого состояния? — выплевывает он. — Кто? Ты, Даша! Ты не могла просто помолчать! Не могла заткнуться тогда, на трассе! Все тебе нужно было доказать, что ты права, что ты умнее!

Я отступаю на шаг, чувствуя, как внутри холодеет.

— Ты... — выдыхаю. — Ты серьезно сейчас пытаешься переложить на меня вину за аварию?

— На кого же еще? — он усмехается. — Я отвлекся из-за тебя, потому что ты не закрывала свой рот. Если бы не твои сцены, не твоя вечная правота и недовольство, я бы не

оказался в этом кресле. Ты разрушила мою жизнь, а теперь хочешь, чтобы я жил как раньше? — он резко машет рукой в сторону окна. — Ты думаешь, это просто? Каждый день видеть жалость в твоих глазах?

— Жалость? — шепчу я. — Это не жалость, Леша. Это было сострадание. Любовь. Пока ты не превратил ее в ничто.

— Любовь, — повторяет он, горько усмехаясь. — Твою любовь я видел. С укором, с усталостью, с тем взглядом, будто я обуза.

Я качаю головой, чувствуя, как подступает тошнота.

— Тебе кажется, я хотела, чтобы все это случилось? Чтобы мы жили в аду?

Он молчит. Смотрит исподлобья.

— Ты всегда делала вид, что несчастная. Тебе не нравились мои друзья. Не нравился наш отдых. Не нравились мои родные. Но на самом деле тебе просто нравится быть жертвой. Тебе нравится страдать, обвинять, вытирать ноги о других.

Эти слова бьют сильнее, чем пощечина. На секунду я не чувствую ничего, кроме звона в ушах.

— И из-за этого ты решил спать с женщиной, которой я плачу за помощь? — спрашиваю тихо. — Это твое оправдание?

Леша усмехается криво, поднимает подбородок.

— Хоть с кем-то я могу чувствовать себя живым.

Несколько секунд я просто смотрю на человека, которого

когда-то любила, ради которого бросила все, верила, терпела.

И вдруг понимаю: это действительно конец. Не из-за измены. Не из-за лжи. А потому что между нами больше нет даже капли уважения.

— Тогда живи, Леша, — говорю ровно. — С кем хочешь, как хочешь. Только без меня.

— Без тебя? — голос Леша срывается, будто я ударила его по лицу. Он вскидывает голову, и в глазах появляется паника. Злая паника, как перед его приступами ревности. Ему казалось, что все мои мысли были о коллегах, соседи с третьего этажа, что раз помог поменять колесо. Обо всех, кто был за пределами нашей квартиры и имел член. — Ты... ты что несешь?

Я ничего не отвечаю. Разворачиваюсь к двери, чувствуя, как кончики мокрых волос липнут к спине. Полотенце сползает чуть ниже ключиц, и я придерживаю край рукой.

— Дарья! — Леша резко меняет тон. С жесткого на жалобный. Тонкий, липкий, словно мед смешали с ядом. — Куда ты пойдешь сейчас? В таком виде? Ты что, собираешься уйти... вот так?

Я оборачиваюсь. Его взгляд скользит по моим голым плечам, по влажным волосам. И мне становится мерзко. Он всегда умел давить туда, где больно.

— Да, — отвечаю. — Вот так. Там тепло. Лето. Не простыну.

Он шумно втягивает воздух, глаза расширяются.

— Ты серьезно? Ты меня бросаешь в такой момент? — ударяет ладонью по подлокотнику кресла. — Я инвалид, Даша! Инвалид!

Слова попадают в меня.

— И что? — спрашиваю тихо.

Он моргает, будто не ожидал этого ответа.

— Что?! Ты не понимаешь, в каком я положении? Ты хочешь, чтобы меня Полина обслуживала? Чтобы она меня мыла? Чтобы она кормила меня? — он трясет головой, говорит еще тише. — Тебя не было весь день, я думал... думал, ты решаешь проблемы с дедом. А ты просто решила меня бросить.

Он вновь меняет тактику, переходит от жалости к обвинению.

— Я без тебя не справлюсь! Ты хочешь, чтобы я умер, что ли? Тебе что, плевать?

Я смотрю на него. На мужчину, который только что сказал, что я разрушила его жизнь. Который предал меня. И который теперь пытается манипулировать чувством вины, как он делал последнее время.

— Я хочу, чтобы ты жил, — произношу спокойно. — Только без меня. Сам. С Полиной. С какой-то другой женщиной. Мне все равно.

Он хрипло выдыхает.

— Даша... ну не делай так... — голос ломается. — Я...

я срываюсь, потому что тяжело. Мне плохо. Ты же понимаешь...

— Нет, — перебиваю. — Не понимаю. Мне тоже плохо, Леша. Я иногда жалею, что удар пришелся не в мою дверь. Понимаешь? Я устала! У меня не только тут шрамы, — я показывая на бок и бедро. — Но и внутри. Внутри они еще больше и грубее. Я так устала. Ты посмотри на меня. Я похожа на пособие по анатомии. Я есть не успевала, Леш. И ты мне говоришь о том, как тебе плохо? В отличие от тебя, у меня за последние два года не было секса ни разу! Это мне плохо!

Он тянет ко мне руку.

— Подойди. Пожалуйста. Не уходи. Я... я боюсь. Ты же знаешь, как у меня со спиной... вдруг что-то случится, а ты...

— Полина тебе поможет, — отвечаю.

Его губы дергаются.

— Ты не имеешь права вот так уходить! — выкрикивает он в последней попытке удержать меня. — Ты жена! Ты обязана!

Я смотрю прямо на него с полной ясностью в голове.

— Я тебе ничего больше не должна. Я сделала все, что могла. Бессонные ночи, восстановление после операций, реабилитации. Я научилась делать массаж, чтобы не платить и за это. Устроилась на три работы. Хватит!

Он открывает рот, но я уже отхожу к двери.

За спиной раздается отчаянное:

— Даша! Вернись! Ты добьешь меня предательством! Ты же меня убьешь!

Я останавливаюсь на пороге.

— Нет, Леша. Я устала, — и закрываю за собой дверь.

Я стою в коридоре несколько секунд. За дверью все еще слышны его всхлипы, удары по подлокотникам, отрывистые фразы.

Хватит!

Плевать!

Я не стану слушать невнятные оправдания.

Вместо этого я иду в спальню, вытаскиваю большую спортивную сумку, бросаю ее на кровать. Глухой звук шлепка разлетается по комнате. И тут меня накрывает истерика.

Я открываю шкаф и начинаю закидывать в сумку вещи. Пара футболок. Штаны. Кардиган. Нижнее белье. Зарядку для телефона, документы, кошелек. Снимаю с себя полотенце, вытаскиваю шорты, в которые еле попадаю ногами.

Я действительно хочу уехать. Это не пустые угрозы.

Вернусь в дом деда.

Там никто не будет кричать о том, что я должна. Или обязана. Или виновата.

— Несколько дней тишины, — шепчу себе, натягивая футболку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.